
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1985
СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК О СВОЕМ НОВОМ ФИЛЬМЕ
БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ
В ПЕСКАХ ПОД АСТРАХАНЬЮ: ВЛАДИМИР ЧУМАКОВ—НАЧАЛЬНИК БУРОВОЙ

Старший инженер управления турбинами В. Нудьча и инженер блока № 4 Ю. Григорьев следят за работой реактора.

Турбинный цех четвертого энергоблока.

МИРНЫЙ АТОМ

Пущен четвертый блок-миллионник на Курской атомной электростанции. Он будет производить ежегодно для нужд народного хозяйства страны семь миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Фото О. СИЗОВА (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

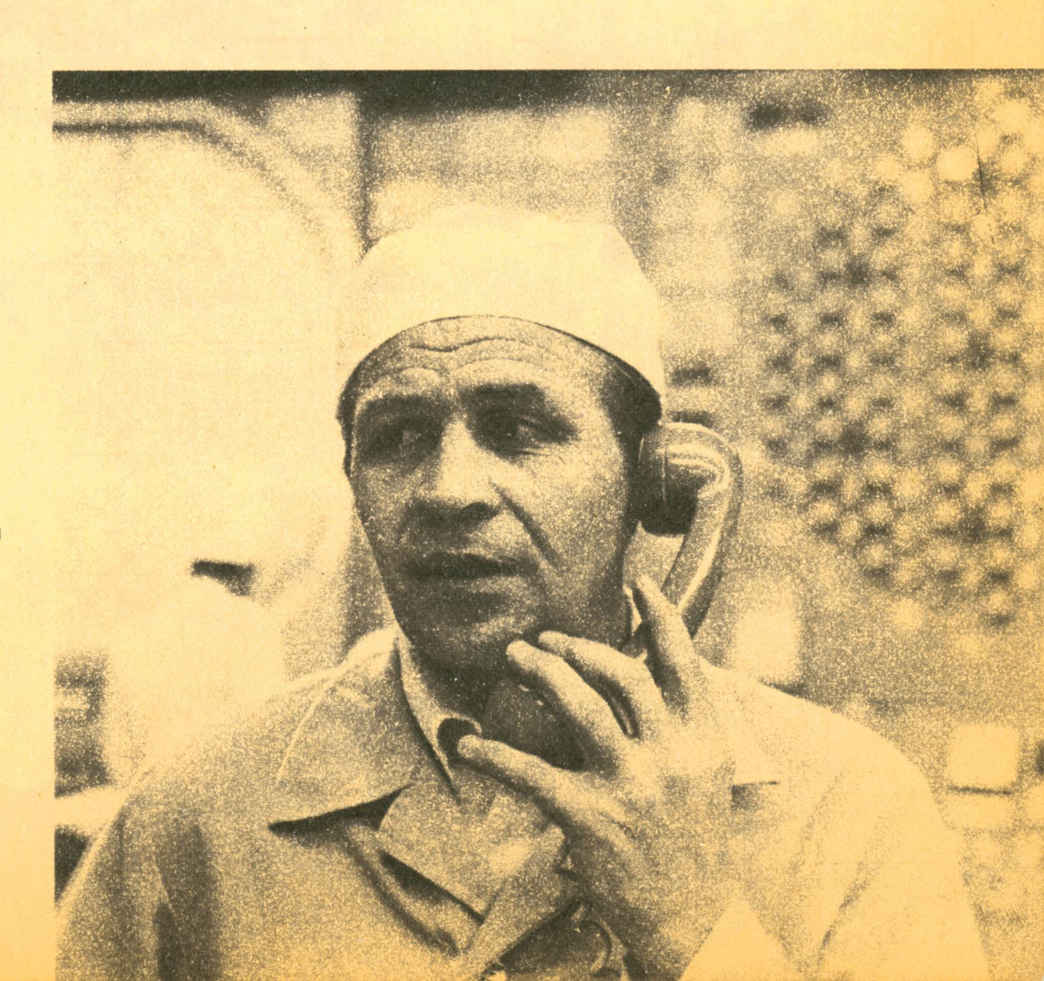

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (3047)

7—14 ДЕКАБРЯ

Начальник смены блока А. Клистов.

Во время беседы. Фото ТАСС

3 декабря в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Президентом и Первым секретарем ЗАНУ — ПФ, Премьер-Министром Республики Зимбабве Робертом Мугабе.

В ходе беседы был продолжен обмен мнениями по некоторым вопросам советско-зимбабвийских отношений и международного положения.

С обеих сторон было выражено убеждение в полезности и важности личных встреч между руководителями двух стран, а также заинтересованность в дальнейшем развитии советско-зимбабвийских контактов на различных уровнях.

Беседа прошла в теплой, дружественной обстановке.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

2 декабря в Екатерининском зале Кремля состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко с Президентом и Первым секретарем партии Африканский национальный союз Зимбабве — Патриотический фронт (ЗАНУ—ПФ), Премьер-Министром Республики Зимбабве Р. Мугабе и сопровождающими его лицами.

•

По приглашению ЦК КПСС и Совета Министров СССР 2 декабря в Москву с официальным визитом во главе партийно-правительственной делегации прибыл Президент и Первый секретарь партии Африканский национальный союз Зимбабве — Патриотический фронт (ЗАНУ—ПФ), Премьер-Министр Республики Зимбабве Роберт Габриэль Мугабе.

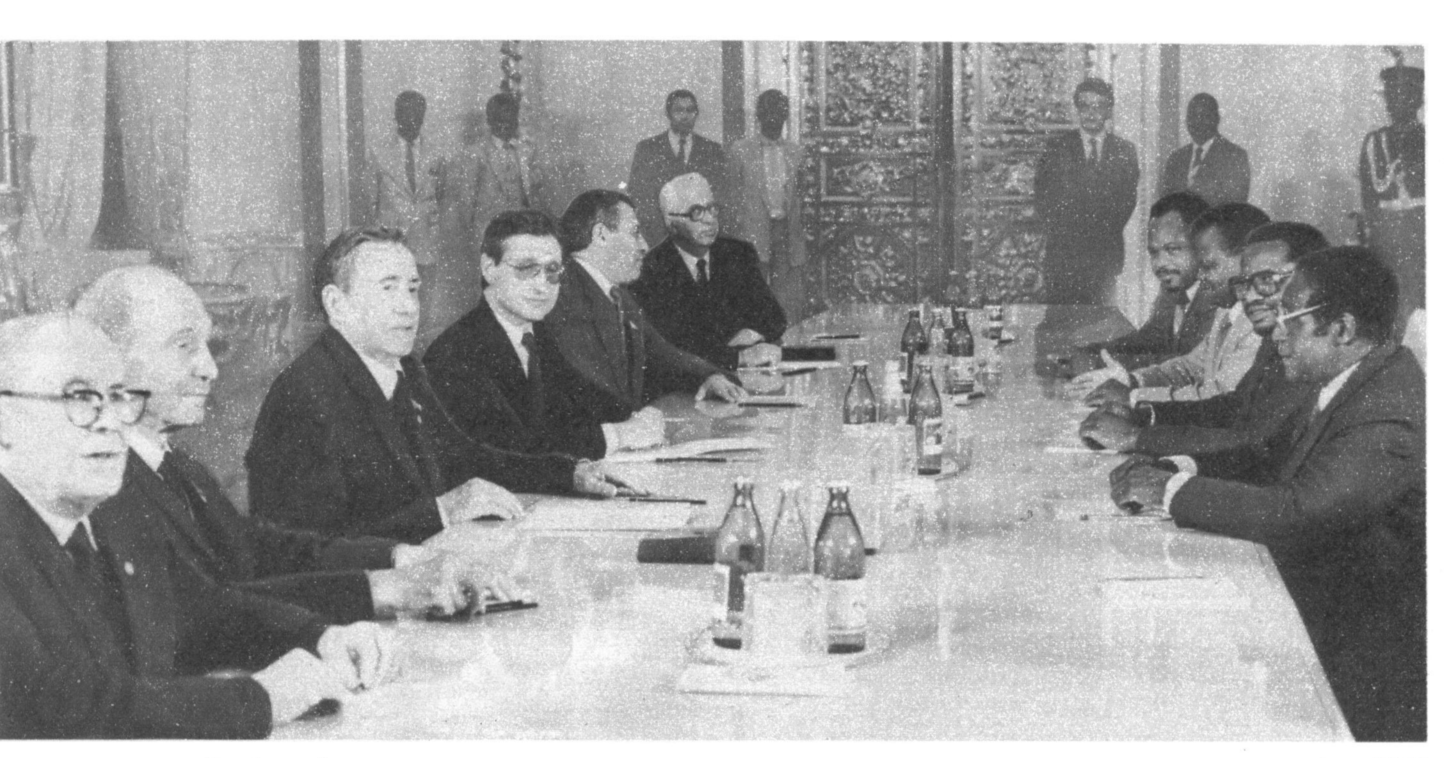
На Внуковском аэродроме Р. Мугабе, членов делегации приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

2—3 декабря в Кремле состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова с Президентом и Первым секретарем ЗАНУ — ПФ, Премьер-Министром Республики Зимбабве Р. Мугабе.

В ходе состоявшегося обмена мнениями были обсуждены вопросы советско-зимбабвийских отношений. Отметив, что имеются благоприятные возможности для развития широкого дружественного сотрудничества в различных областях, стороны обменялись мнениями о совместных шагах, которые будут предприняты в ближайшее время в этих целях.

3 декабря Н. И. Рыжков и Р. Мугабе подписали соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Республикой Зимбабве.

Протокол о сотрудничестве между КПСС и Африканским национальным союзом Зимбабве — Патриотическим фронтом был подписан Б. Н. Пономаревым и У. М. Мангвенде.

Во время беседы. Фото ТАСС

◀ Перед началом переговоров.

Во время подписания. ▶

Фото А. Гостева

Москва, Кремль. В зале заседаний второй сессии Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

обсуждаем предсъездовские документы

ЧЕСТЬ ФАБРИЧНОЙ МАРКИ

Н. БЫКОВ.

С чего начинается утро? С непременного и чаще всего приятного общения с продукцией фабрики «Свобода». Туалетные мыла, шампуни, зубные пасты, кремы, помады, декоративная косметика — сорок процентов отечественной парфюмерии выпускает фабрика, головное предприятие московского производственного объединения «Свобода». Головное и еще старейшее в столице — скоро делу на старой Вятской улице будет 150 лет. И нынче в декабре юбилей: ровно восемьдесят лет назад на фабрике был штаб социал-демократов, депутатов рабочей заставы... История, традиции, фабричная марка—все это обязывает мастеров парфюмерии еще лучше работать. Это естественно, продукция особая, из той, что экономистами отнесена к группе «Б» — все для человека. Люди хотят не только красиво жить, но и быть красивыми. И не только поступками! В человеке все должно быть прекрасным!

На недавнем отчетном партсобрании да и при обсуждении проекта Основных направлений в цехах работники фабрики «Свобода» говорили о необходимости в следующей пятилетке не только увеличить объем продукции, но и улучшить ее качество. В наше время дело развивается не только в условиях различных форм социалистического соревнования, но и в противостоянии зарубежным фирмам. И тут уж честь марки никак нельзя посрамить! Вот почему и директор Виктор Степанович Гребенюк, и начальник цеха Галина Владимировна Федюшкина, и главный экономист Галина Михайловна Жидулева, да и все бравшие слово коммунисты, работницы-ветераны говорили прежде всего о том, что мешает ускоренному развитию производства. Откуда потери? Как восполнить хронический недостаток рабочих рук? Что необходимо в первом же году новой пятилетки сделать для специалистов и работниц фабрики, для молодых матерей и для тех, кто нуждается в общежитии, в улучшении жилищных условий? Не все определяет заработок! Женщины из цехов говорили о том, как важно еще и хорошее рабочее настроение—оно освобождает человека на все часы напряженной смены от забот быта. А для этого нужен быт устроенный, прочный, обеспеченный. Построили только что бытовой корпус — хорошо! Теперь запланировано строить жилье и в Москве, и близко от столицы. Будет за пятилетку сдан и новый детский комбинат...

Все выступавшие в один голос заявляли: качество нашей продукции должно быть таким, чтобы советские женщины ориентировались на отечественную парфюмерию. И надо искать, искать, переходить на новые технологии, крепить творческие связи с зарубежными фирмами. Во исполнение намеченного еще 6 ноября рапортовали: есть 11-я пятилетка! Выполнили, а теперь перевыполняют. После октябрьских торжеств и до конца года выдали на тридцать три миллиона рублей сверхплановой продукции.

Еще недавно, каких-нибудь пятнадцать лет назад, на старой фабрике царил ручной труд. Теперь здесь царство конвейерных линий. Объединение «Свобода» переходит на работу в условиях нового экономического эксперимента. Знамение времени: хозяйство в 12-й пятилетке попробуют вести по-новому, опираясь на строгий хозрасчет. Для этого потребуется иной, более высокий уровень отношения к делу, принятым заданиям. Должна помочь молодежь, образованная, работящая — вот о ее закреплении шла на обсуждении особая речь. Что надо молодым? Удобные условия труда, свое жилье, интересная общественная жизнь в стенах фабрики и вне их. Так что коммунистам (их в объединении более трехсот), всем специалистам еще думать и думать. Главное, чтобы слова, произнесенные на цеховых обсуждениях проекта Основных направлений, не разошлись с делом новой пятилетки.

МПО «Свобода» только что добилось роста по темпам производства на тринадцать процентов, а по темпам производительности труда — на восемнадцать. В эти дни мастера парфюмерии активно участвуют в предсъездовском соревновании — одна за другой идут ударные декады. Это отличное начало новой пятилетки.

— За пятилетку предстоит освоить более тридцати миллионов рублей капитальных вложений,— сказала главный экономист Галина Михайловна Жидулева.— Это очень много для нас. Но освоить должны, потому что запланирована полная механизация и автоматизация производства. Мы должны почти вдвое поднять выпуск продукции цеха мыловарения. А качество? Ежегодно будем выпускать десять и больше новых наименований продукции.

Творческие силы на фабрике есть. Это мастера, люди с головой, умельцы. Теперь ведь слесарь-наладчик нередко обладает дипломом инженера! А как много для фабрики сделали слесарь из косметического цеха, коммунист Михаил Андреевич Агафонов, ветеран труда, начальник экспериментального цеха тубного завода Николай Трофимович Веселов, бригадир комсомольско-молодежной бригады по выпуску туалетного мыла Алексей Валерьянович Розов. Их немало, настоящих радетелей за улучшение условий труда. Директор Виктор Степанович Гребенюк сказал:

— Хорошим был финиш пятилетки. Но теперь куда важнее хорошо стартовать в январе! Сегодня почти две трети рабочих уже объединены и работают в бригадах единого коллективного подряда. Но соревнование в честь достойной встречи партийного съезда в самом разгаре! И тут делом до́лжно подкрепить наши обязательства. Ко дню открытия Двадцать седьмого съезда КПСС пятьдесят четыре бригады должны выполнить задание двух месяцев, а тридцать шесть человек обязались выполнить задание первого квартала. Вот достойный ориентир!

Бригадиры коммунистка Валентина Георгиевна Алешина из тубного производства, Татьяна Павловна Земченкова из цеха зубных паст — вожаки опытные. Они ответственности не боятся, потому и относятся к проекту Основных направлений по-деловому, по-хозяйски. Отныне система оценки работы и поощрения нацелена на конечный результат. В этом — источник заинтересованности работающих. Председатель цехкома цеха зубных паст Галина Александровна Самарина заметила, что отныне все работницы знают: будет прибыль — будут расти зарплата, премиальные. Будет выдержана технология — будет качество, достойное мирового образца. А от качества тоже прибыль, премия.

Что же надо, чтобы 12-я пятилетка стала новой ступенью наверх? Ответ на фабрике «Свобода» прозвучал однозначно:

— Надо, чтобы предприятие взяло на себя бремя ответственности за развитие ускоренными темпами. А для этого прежде всего нужно дать ему права, развязать руки, спеленутые инструкциями, позволить жить и работать самостоятельно. По законам хозрасчета, то есть по своему усмотрению, заменять оборудование, улучшать технологию. Быть конкурентоспособным.

Вот такой был разговор.

Обсуждение предсъездовских документов на московской фабрике «Свобода».

Фото С. Петрухина

СЪЕЗД БОЕВОГО АВАНГАРДА АНГОЛЬСКОГО НАРОДА

2 декабря в Луанде открылся II съезд МПЛА — Партии труда. В его работе принимают участие более 700 делегатов, представляющих 35 тысяч членов партии. Растущий авторитет революционной Анголы в Африке и на международной арене подтверждает присутствие на съезде около 50 делегаций коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных движений и прогрессивных организаций. Среди них делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым.

С отчетным докладом Центрального Комитета МПЛА — Партии труда выступил Председатель партии, президент НРА Жозе Эдуарду душ Сантуш.

Во время открытия съезда.

Телефото ТАСС

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения в ФРГ
Фото автора.

ВРАЧИ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ...

Надежде правящих кругов Федеративной Республики Германии на то, что население страны привыкнет и примирится с размещением ядерных американских ракет, был нанесен в начале ноября ощутимый удар. Четыре тысячи медиков собрались в городе Майнце на антивоенный конгресс, организованный западногерманской секцией влиятельной международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Это событие многократно показывалось по телевидению и комментировалось в западногерманской прессе. Участники конгресса провели массовую и весьма необычную демонстрацию в соседнем с Майнцем городе Висбадене.

* * *

Висбаден знаменит своими целебными источниками и курортами. В былые времена считалось модным съездить сюда «на воды». И сегодня в Висбадене всегда многолюдно. Но особенно много здесь американских военнослужащих — в Висбадене и его округе находятся военные базы США. И не случайно врачи избрали для своей демонстрации именно этот город.

Это была встреча медиков с пациентами прямо на улицах и площадях. Сотни врачей, кто в белых халатах, кто в аллегорических костюмах, прямо скажем, довольно мрачных, пришли в переполненный людьми центр Висбадена. На площади Маурициуса образовалось множество небольших групп, центрами которых были медики различных специальностей.

— Поймите нас правильно,— говорили врачи,— мы лучше других знаем, что в случае атомной войны ту часть человечества, которая, возможно, и не погибнет сразу, неизбежно ждет физическая и умственная деградация. Как показали Хиросима и Нагасаки, самыми первыми жертвами будут, конечно же, дети. Мы просим вас подумать и о том, что медицина бессильна против ядерной радиации. Заявить вам об этом сегодня — наш прямой врачебный долг...

К нам подошел молодой терапевт с плакатом «Не допустить, чтобы живые завидовали мертвым». Он сказал, что благодарен советскому народу за его мирные усилия.

— Мне удалось вылечить вас и ваших детей, когда вы на своем автомобиле врезались в дерево,— мягко говорила пожилому бюргеру женщина-хирург,— но от атомного взрыва или радиоактивного излучения медицина вас, дорогой мой друг, не спасет. Тут уж никакие врачи, никакие операции и современнейшие лекарства не помогут. Так не лучше ли вовремя принять активные профилактические меры? И, пожалуйста, втолкуйте такую мысль всем своим родственникам и знакомым...

Не знаем, надолго ли, но эти слова доктора заставили пожилого господина основательно задуматься.

— Молодые дамы и господа, болезнь слишком запущена,— внушал группе молодежи здоровенный, бородатый детский врач.— Теперь нужно срочное хирургическое вмешательство. Вот смотрите.— Он показал на плакат, на котором символическая змея с эмблемы медиков обвивала и ломала атомную ракету.— Другого пути у нас нет.

— Нам все время твердят,— возразил парень, обнимавший за плечи подружку,— что американский «космический зонтик» — сущее спасение.

— Не спасение, а ускорение всеобщего летального исхода,— ответил бородач в белом халате.— Крылатые ракеты, летя низко над поверхностью земли, принесут водородные бомбы прямо в окна ваших спален. А «космические зонтики» могут вызвать атомные взрывы в космосе и стратосфере, следовательно, смертельную дозу радиоактивного заражения всей воздушной оболочки планеты. Нет, не надейтесь на пропагандистские сказки. Спасение только в уничтожении ядерной эпидемии, в сокращении атомного потенциала, как предлагают русские... А затем можно будет и вовсе избавиться от этой мерзости — и чем скорее, тем лучше!

Несколько молодых врачей били в бочки, превращенные в барабаны, и провозглашали:

— Остановить гонку вооружений, начать реальное разоружение — пока не поздно! Помните об ответственности за наших детей и будущие поколения...

Майнц — Висбаден.

На снимке: участники демонстрации в Висбадене.

торых наряду с опытными спасателями приняли участие тысячи добровольцев.

Рассказывает пилот вертолета Хосе Каберра, совершивший в течение трех дней более 30 вылетов в район бедствия для спасения пострадавших:

— На рассвете 13 ноября я был поднят по тревоге и получил приказ вылететь в район Армеро для поиска и спасения оставшихся в живых людей. На месте Армеро простиралась безжизненная равнина, покрытая серой массой. В ней кое-где виднелись остатки разрушенных домов, кроны деревьев, трупы людей и животных. Зрелище было страшное. Большинство уцелевших людей находились на вершинах близлежащих холмов, верхушках деревьев. Многих удалось вытащить из вязкой жижи.

ТРАГЕДИЯ АРМЕРО

с места события

То ноябрьское утро для жителей небольшого колумбийского городка Армеро, лежащего в живописной долине, выдалось обычным. Яркое солнце и безоблачное небо обещали горожанам очередной погожий день. Лишь некоторое беспокойство вызывал выпавший ночью серый пепел, тонким слоем покрывший улочки города. После полудня «пеплопад» вновь возобновился и жители уже с тревогой поглядывали на виднеившуюся вдали белоснежную вершину вулкана Невадо-дель-Руис, над которой поднимался в небо белесый столб дыма. К вечеру интенсивность падения пепла усилилась и в воздухе все явственнее ощущался запах серы.

Житель Армеро 32-летний врач Хуан Гайтан рассказывает:

— Огромный вал воды, смешанный с серой горячей массой, в щепки разбил входную дверь, отшвырнул меня к стене комнаты. Последнее, что я услышал перед тем как потерять сознание, был испуганный крик моей беременной жены: «Что это, Хуан?» Очнулся я в теплой густой жиже у обломка какого-то дерева. Кругом раздавались крики оказавшихся в этом страшном потоке людей...

Город был практически сметен с лица земли обрушившимся с вершины вулкана селем, смешанным с лавой. В зоне бедствия оказались также населенные пункты Марикита, Либано, Онда, которые расположены почти в двухстах километрах от подножия вулкана. Трудно передать чувства, охватывающие свидетеля трагедии, которую переживает сегодня колумбийский народ.

Буквально спустя несколько часов после извержения вулкана в пострадавших от стихии районах были организованы властями поисково-спасательные работы, в ко-

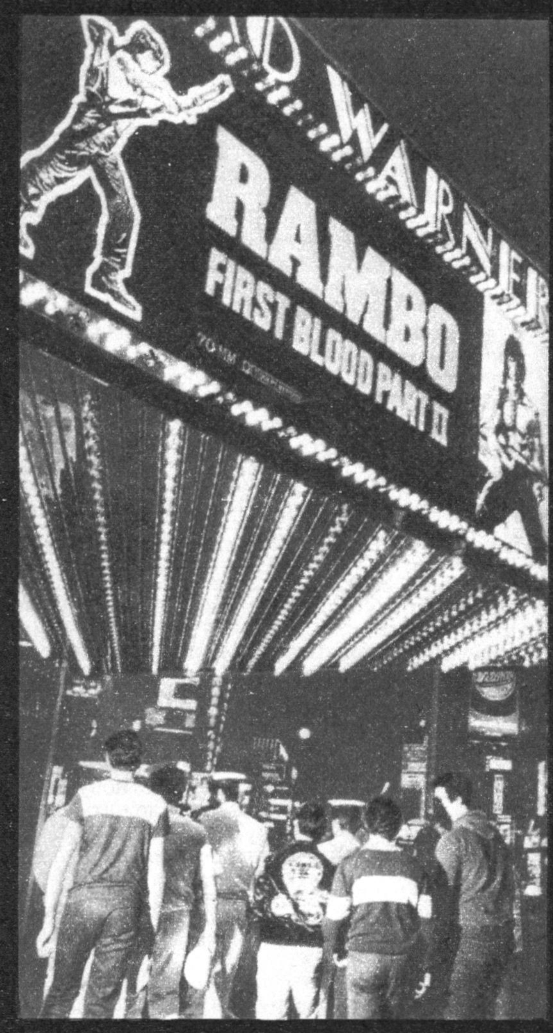

В эти трудные для колумбийского народа дни ему на помощь пришли многие страны, в том числе и Советский Союз, который направил пострадавшим от стихийного бедствия два самолета Аэрофлота с медикаментами, вакциной, палатками, хирургическими инструментами. Правительство Колумбии выразило огромную благодарность за проявленную другими странами поддержку и солидарность с народом этой страны.

Геннадий КОЧУК,
корреспондент ТАСС в Колумбии
(специально для «Огонька»)

На снимках: спасательные команды оказывают помощь пострадавшим.

Фото из журнала «Ньюсуик»

У входа в один из кинотеатров Лондона.

мир капитала

Фото из журнала «Тайм»

«Рэмбохлам» оптом и в розницу.

Кинонашествие из-за океана

Перед миллионами кинозрителей Запада очередной киноидол — Рэмбо. Капитаны американского кинобизнеса не сомневались в том, что с его помощью в течение трех летних месяцев над их конторами не будет прекращаться золотой дождь. Почему! Разгадка проста. На две трети кинозалы за океаном заполняют зрители школьного и студенческого возраста, поэтому неудивительно, что каникулы обеспечивают более 40 процентов голливудской выручки. Естественно, что в штаб-квартирах кинокомпаний загодя готовятся к периоду молодежного паломничества, припасая фильмы, беспроигрышные в финансовом плане и безупречные с точки зрения господствующей идеологии.

К нынешней жатве кинодолларов приурочили, в частности, второе пришествие на американские экраны героя фильмов актера и режиссера Сталлоне — Рэмбо. «Врачевавший» в предыдущем фильме пулями и кулаками соотечественников от недостаточного уважения к заслугам вьетнамских ветеранов, в новой картине он действует в самом Вьетнаме, разыскивая там неких американских военнопленных, и в одиночку истребляет тысячи заклятых «врагов американской свободы», для простоты именуемых «красными». И если уж государственные мужи Америки, люди, умудренные жизненным опытом, часто весьма печальным, узрели в отставном сержанте, каковым является по сюжету фильма Рэмбо, пророка, то что уж говорить о подростках, для большинства из которых прошлое их страны с бомбардировкой Хиросимы и напалмом Вьетнама — сплошное белое пятно.

Сейчас «рэмбомания», захлестнувшая США, переливается через край, устремляясь мутными ручейками к берегам Западной Европы. Местные кинодельцы и идеологи в отличие от своих американских коллег больше уповали в делах не на само лето, а на период возвращения из отпусков, совпадающий с началом учебного года. Кучи «рэмбохлама», включающие майки с горбоносым профилем маньяка-«мстителя», пластмассовые копии его оружия и амуниции, чудодейственные витамины, стимулирующие рост мышечной массы, и книжки с литературной версией его геройств уже находятся в Старом Свете.

В последние годы Вашингтон настолько интенсифицировал процесс духовного закабаления Европы, что французский министр Жак Ланг открыто называл американскую политику «культурным империализмом». Сводки с фронтов наступления заокеанских «культуртрегеров» выглядят действительно впечатляюще. Несмотря на то, что на Голливуд приходится всего около 6 процентов мирового производства полнометражных художественных фильмов, киноимперия контролирует треть международного экспорта в своей сфере. Однако это в среднем. Фильмы со звездно-полосатым клеймом составляют 35 процентов репертуара французских кинотеатров, половину репертуара итальянских, голландских и датских, 60 процентов западногерманских и три четверти английских.

В Западной Европе молодежь и подростки также составляют абсолютное большинство кинозрителей, и Голливуд всегда готов удовлетворить их запросы, которые сам же годами и формирует. Не случайно за американской кинопродукцией в Европе утвердилась репутация жевательной резинки для глаз. Однако у сладенькой заокеанской жвачки весьма специфический привкус. Французский социолог Маттелар посвятил специальное исследование пропаганде «американского образа жизни» в диснеевских мультфильмах. И симпатичный утенок Дональд, и лихие ковбои из вестернов, и чудороботы из фильмов о «звездных войнах» — все это только прелюдия к встрече с киноподелками типа «Красного рассвета» или «Рэмбо II», отнесенных здравомыслящими критиками к новому жанру — «военной порнографии».

Впрочем, ясно, что с помощью одного кино молодых европейцев не воспитаешь в «лучших американских традициях». Необходима обстановка тотального культурного окружения. И американские кинодельцы не сидят сложа руки. Включает подросток где-то во Франции или Италии телевизор, и пожалуйста — 75 процентов зарубежных программ, демонстрирующихся на западноевропейских телеэкранах, записано на видеопленку за океаном. Ставит диск на проигрыватель — половина всех пластинок также издана в Америке. Главные подрядчики европейских теленовостей — также американские телесети и информационные агентства.

Однако достигнутое в этой области уже не отвечает американскому размаху. США желали бы напрямую через систему телеспутников ежедневно вещать на Западную Европу. Характерно, что некоторые американские генералы от пропаганды считают такое начинание не менее важным, чем размещение ракет «Першинг-2».

...Этим летом над американскими пляжами вертолеты таскали транспарант: «Расслабьтесь, Рэмбо вас охраняет». «Доверьтесь крепким американским парням, вооруженным к тому же не только автоматами, но и ядерными ракетами» — то же самое исподволь внушает западноевропейской молодежи герой Сталлоне.

«Американцы повсюду, особенно в наших головах»,— невесело шутят европейцы. Добавим, что особенно в детских. Недавний опрос французских школьников еженедельником «Экспресс» показал, что среди их любимых литературных и киногероев Франция представлена лишь Зорро, а остальные прибыли из Америки. Вот на такую удобренную почву и пытаются посеять ядовитые идейки, взращенные за океаном.

М. ЩИПАНОВ

11 ДЕКАБРЯ В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ VI СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР. НАКАНУНЕ СЪЕЗДА В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ ВЫСТУПАЮТ ЕГО ДЕЛЕГАТЫ.

Фазу **АЛИЕВА**, народная поэтесса Дагестана.

СВОЯ ТРОПИНКА

Я выросла в высокогорном маленьком ауле Гиничутли, что висит на груди горы, как амулет. Сотни узких тропинок, что исчертили грудь горы, то сближаясь на ходу, то надменно разбегаясь, углубляются в голубую высоту. Подняться на вершины вечных снегов по этим тропинкам нелегко: крутизну приходится преодолевать по колечкам спирали. Но горец поднимается по этим каменистым тропам, царапая ноги о колючки, ударяясь об острые камни, пробираясь краем пропасти, и, одолев одну из вершин, он делает привал и оглядывается на пройденный путь, осмысливая его.

Я думаю, что писательские съезды, где мы подводим итоги нашей творческой работы, являются теми короткими привалами, когда мы отрываемся от письменных столов, чтобы ясным умом и охлажденным сердцем осмыслить наши достижения и наши промахи. А потом с новым рвением и вдохновением идти к следующей вершине.

Наш нынешний VI съезд писателей РСФСР будет проходить накануне XXVII съезда КПСС, в пору, когда идет всенародное обсуждение важнейших партийных документов.

Не берусь судить обо всей нашей многогранной российской литературе, ведь я лишь маленькая ветка этого могучего дерева, но я счастлива тем, что и маленькая ветка — часть дерева, и меня тоже питают его крепкие корни. Говоря о российской литературе, мы начинаем с того, что в ее становлении и развитии сыграла огромную роль русская литература. Отходя от общего к личному, к своей судьбе, скажу, что меня никто бы не знал как поэта, если бы не Литературный институт, мои учителя Михаил Аркадьевич Светлов и Владимир Александрович Луговской. В лучшем случае меня читали бы одни аварцы. Благодаря великому русскому языку мои произведения читают во всей стране, и они переведены на многие языки мира. Я получила дар судьбы — возможность читать Пушкина в оригинале, Лермонтова и моего самого любимого поэта Тютчева, а также таких титанов слова, как Толстой и Достоевский.

И сегодня, сознавая свою приобщенность к большой многонациональной литературе, я исхожу из того, что мои произведения должны быть одинаково доступны и чабану в горах, который стережет отары и растит ягнят, и профессорам, академикам, чьи научные труды способны в корне изменить существенные проблемы.

Период между съездами для меня был творчески насыщенным яркими впечатлениями, заполнен работой. За это время я завершила большую повесть в стихах, посвященную маршалу Чуйкову, обороне Сталинграда, тому, как мужество его защитников отозвалось в самых дальних уголках страны.

Думаю, что наш съезд поможет нам осмыслить пройденное, выбрать новую вершину, куда мы должны проложить свою собственную тропинку, скажет о назначении художника сегодня, завтра...

Махачкала.

Софрон **ДАНИЛОВ**, народный писатель Якутии.

БОЛЬШОЙ ОМУРГАН

Путник, пускающийся в дальний путь, через определенный промежуток времени обычно обязательно останавливается, как якуты говорят, на омурган, чтобы отдышаться, набраться новых сил, поразмыслить о пройденном и подумать, как лучше идти дальше. Предстоящий VI съезд писателей РСФСР видится мне таким вот омурганом российского многоязычного, многокрасочного, многотрудного литературного каравана.

Наш съезд будет проходить в то время, когда КПСС принимает с энтузиазмом встреченные советским народом грандиозные по своим масштабам, решительные и действенные меры во всех областях нашей жизни. Советские люди твердо верят, что происходящие ныне в стране преобразования в недалеком будущем выведут наше общество на качественно новые рубежи. Прошла — хочется верить, навсегда! — пора не оправданных делом славословий, настало время вдумчивой, честной, обращенной на благо общества творческой работы. И эта здоровая, свежая атмосфера, царящая в стране, я думаю, безусловно, найдет свое отражение в работе нашего писательского съезда. Мы ждём от съезда справедливого, открытого, горячего разговора об успехах и недостатках наших литератур, о задачах на будущее. Прежде всего: пора, давно пора назвать хорошее хорошим, плохое плохим. А то мы долго, очень уж долго убаюкивали себя взаимной комплиментарностью, отвыкли от острой, нелицеприятной критики...

Но при всем том успехи братских национальных литератур за прошедшее пятилетие очевидны. Возьмем, например, литературу нашей автономной республики. Даже изменилось само понятие «литература Якутии». Лет 10—15 тому назад под ней подразумевалась литература, создаваемая на якутском языке. Ныне, говоря так, мы имеем в виду не только якутскую, но и эвенскую, юкагирскую литературы. Если раньше из народностей Крайнего Севера выходили только писатели-одиночки, как Тэкки Одулок, Н. Тарабукин, то мы сейчас имеем уже вполне оформившиеся, зрелые литературы. Имена недавно ушедших из жизни знаменитого юкагирского писателя Семена Курилова, талантливого эвенского поэта Василия Лебедева известны не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами. А юкагир — поэт Улуро Адо, эвенские писатели Платон Ламутский, Андрей Кривошапкин — каждый из них самобытный, оригинальный художник.

Якутская литература — счастливая литература. Счастлива прежде всего потому, что в ней совместно с только что вступившими в литературу молодыми Наташей Харлампьевой, Егором Неймоховым, Анатолием Старостиным и всесоюзно известными Леонидом Поповым, Иваном Гоголевым, Болот Ботуром плодотворно работают народные писатели, которые отметят вскоре свое восьмидесятилетие: Николай Мординов, Суорун Омоллон и Кюннюк Урастыров. Наши старейшины — народные любимцы. Как хорошо, что они полны еще активных творческих сил: Н. Мординов завершил перевод на якутский язык «Войны и мира» Л. Толстого, К. Урастыров издал на русском языке героический эпос «Великий Джагарыма», а Суорун Омоллон создал на общественных началах прославившийся на весь Союз историко-мемориальный музей о дореволюционной политической ссылке. Издавна у якутов тех семьи, где во главе стола сидит старейшина рода, считались счастливыми...

Литература создается, конечно, не на съездах. Но нельзя недооценить их значение в дальнейшем развитии наших литератур. Несмотря на горячие призывы отразить в художественной литературе жизненно важные, ударные стройки, почему все же мало ярких произведений, скажем, о БАМе, Южной Якутии, об алмазодобытчиках? Хотя книг издается изрядно, но отчего так редки в них герои-современники, которые могли бы служить нашей молодежи живым примером? Почему создаваемые нами художественные произведения зачастую легковесны и поверхностны? Только ли от отсутствия и недостаточности творческих возможностей зависит это? Может, есть еще и другие причины? Требуя от писателя быстрейшего отклика на все более или менее знаменательные события, происходящие в стране, литературная критика в какой-то степени не способствует ли появлению серых, посредственных книг? Вокруг этих и других волнующих нас вопросов, мы надеемся, на съезде пойдет оживленный обмен мнениями.

В многоязычной российской литературе огромное значение имеет переводческое дело. Русский язык стал для книг писателей Якутии поистине орлиными крыльями. Благодаря переводу на русский язык наши произведения ныне читают на всех материках планеты. Но в этом деле все еще нет должной целенаправленности, строгого отбора, да иногда и качество перевода оставляет желать много лучшего. Нередко издание книги в переводе зависит от предприимчивости и пробойности автора. А мечта о переводчиках, работающих с оригиналом, пока еще остается мечтой несбыточной.

Когда мы говорим о переводе, то обычно имеем в виду только перевод на русский язык. Пора поставить вопрос о переводе лучших произведений наших литератур на языки всех народов Советского Союза. Памятуя при этом великую роль литературы во взаимоузнавании, взаимовлиянии, в укреплении дружбы и братства народов.

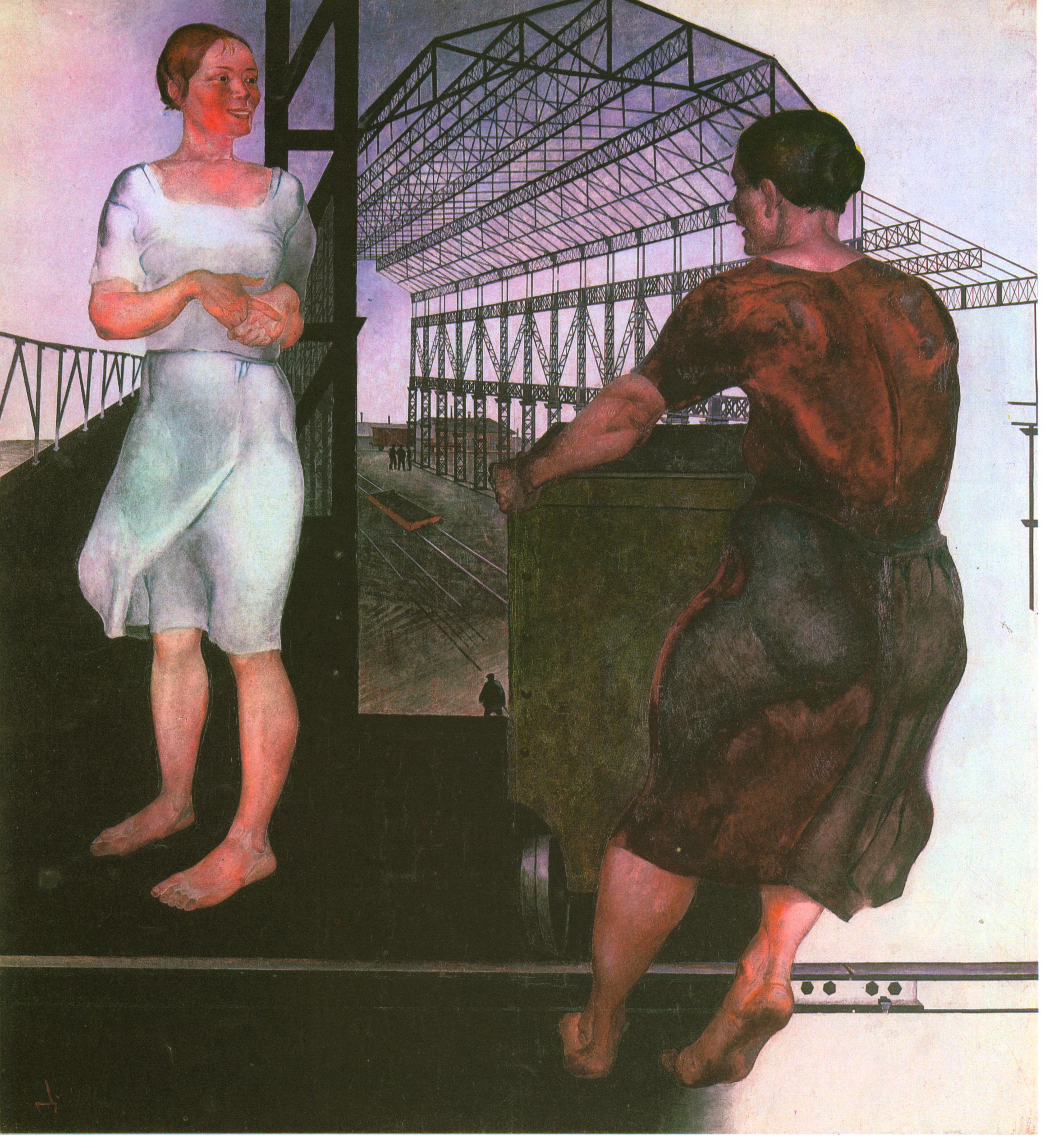
Мы, якутские писатели, ясно осознаем, какая малая капля действительности отражена в наших книгах по сравнению с необозримым океаном народной жизни. Но мы твердо верим, что наши лучшие книги впереди. С этой верой мы живем и работаем. С ней мы идем к своему российскому съезду.

Якутск.

С. Герасимов. 1885—1964. КОМСОМОЛЕЦ. 1927.

Художественная выставка «Молодость Страны Советов».

А. Дейнека. 1899—1969. НА СТРОЙКЕ НОВЫХ ЦЕХОВ. 1926.

Художественная выставка «Молодость Страны Советов».

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Зерна и плевелы

На всех перекрестках ругают литературную критику. Говорят даже, что, если наука выработает какие-то особые правила для нее, все будет в порядке. Не хватает теории, эстетики, и без нее критика заплуталась в потемках, потеряла зрение.

Так ли это?

Стоит обратиться к любому критику критики, редактору журнала или газеты и сказать ему: «Я даю тебе острую статью, будешь печатать?» — как в ответ слышишь неопределенное: «Гм-гм». Он за то, чтоб критика была в другом журнале, другой газете. Но если начинать перестраиваться, то незачем ждать, когда перестроится сосед или приятель: надо начинать с себя.

Не плохая теория и эстетика стоят на нашем пути, а страх, что что-либо переменится. Он, можно сказать, стоит, как призрак бесшощадный. Мне вспомнились эти слова поэта, потому что страх этот, с одной стороны, действительно призрак, с другой стороны, совсем не призрак: он сидит в наших душах.

Победить страх в себе, по-моему, и означает перестройку. И означает начало новой эры.

Сейчас много говорят о новом — о новом времени, новых критериях и т. д. Но сколько ни произноси слово «новое», новое от одних слов не явится. Оно родится только от поступков. В том числе и от поступков в литературе.

Недавно в газете «Московский литератор» (№ 41 от 18 октября 1985 г.) был напечатан доклад Владимира Гусева «Инициатива и самостоятельность». В докладе говорится, что перед лицом «сложности... человека НТР» наша литература сплоховала, точнее, сплоховала «деревенская проза», которая, по образному выражению автора, «зажмурилась, спрятала голову в кусты и объявила, что никакой такой сложности вообще нет». И хотя В. Гусев уточняет, что так поступили «некоторые деятели... так называемой «деревенской прозы», эта поправка дела не меняет. Неназванные деятели, по мнению автора, решили, что «надо просто ориентироваться на извечные человеческие ценности — на доброту и нравственность», и далее поясняет: «Никто не против доброты, все за; но прямолинейность, риторика и описательность плохо совмещаются с художественной правдой». «Другие,— продолжает он,— пошли путем прямой, а то и прямолинейной социальной и моральной публицистики. Никто не против и публицистики...»

Итак, никто не против доброты и не против публицистики, а «деревенская проза» списывается в обоз. Ей противопоставляется «московская» проза, проза «сорокалетних», которая, оказывается, «решает те же человеческие вопросы более глубинно, более рельефно, духовно — более изобразительно, музыкально, пластически и т. д.».

Что это, как не попытка оторваться от периода в литературе, который стоит у нас перед глазами и преподает всем нам гражданский и поэтический урок?

Переводя стрелки часов на новое время, мы не должны забывать того, что было, что литература и до нас (я имею в виду молодых) знала свои высокие мгновения и переживает их и сейчас.

Кто «зажмурился», кто спрятался в кусты? Василий Белов, который только что напечатал очерки о поездке на родину? Валентин Распутин, опубликовавший «Пожар»? Или, может быть, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев, рассказ которого «Жизнь прожить» мы опять-таки только что прочитали в «Новом мире»? Или «зажмурились» и спрятали голову в кусты Евгений Носов, Борис Можаев, Иван Акулов или участники «круглого стола», посвященного состоянию русского чернозема в «Нашем современнике» (№ 7, 1985)?

Говорить, что все это, мол, не то, что это всего лишь прямолинейность, риторика, «извечная доброта» и «зажмуривание»,— значит самому зажмуривать глаза на реальность, на то, что довоенное, военное и послевоенное поколения держат на себе основной ствол литературы — и держат его достойно.

Меня этот нигилизм смущает. Нигилизм вообще плохой помощник при переходе от «старого» к «новому».

Оглядываясь в прошедшее и приготовляясь жить в новом времени, мы не можем забывать о том, что литературой сделано, чему мы по старому обычаю должны поклониться перед дорогой.

Да так и происходит на самом деле. А рассуждения о том, что прежние «не показали», а мы показываем, прежние были нерельефны, немузыкальны и непластичны, а мы-то, овладев техникой письма, даем им сто очков вперед,— это все теория. Теория и самолюбие, в которых не чувствуется ни сострадания, ни любви.

Я хотел бы, чтоб мы вспомнили тех, кого нет среди нас, и тех, кто с нами. Нет, литература не прозябала, не ждала, когда ее призовут к поступкам, а совершала эти поступки. Таким поступком, например, было творчество Федора Абрамова.

Но и Федор Абрамов, как он признавался, «не сказал всей правды о том времени, о котором писал».

Его мучила эта недосказанность, недоговоренность — он желал высшей правдивости и высшей меры суда для своего слова. «Хвастливое слово гнило,— говорят в народе.— Посеешь ложь — не вырастет рожь».

Федор Абрамов специально ездил в Пустозерск, чтоб поклониться тем местам, где был сожжен когда-то на костре — и сожжен за правду — протопоп Аввакум.

А Виталий Семин, Владимир Тендряков, Константин Воробьев, Юрий Трифонов, Василий Шукшин? Разве они не исполнили своего исторического долга, разве не исполняют его и по сей день? Эта литература не ушла в небытие, она не перевернутая страница, и мы открываем эту страницу так же, как и страницы новых книг.

Давайте не будем делить правду на ту, что была до нас, и ту, что говорится новыми писателями. Давайте только отделим зерна от плевел, миражную литературу от литературы и скажем себе с той же суровостью, с какой названные выше писатели относились к своему творчеству: слишком много было создано призраков, слишком много произращено плевел.

Перевод стрелок из одного времени в другое начался. Но, как это бывает с переводом реального времени, реальных стрелок на реальном циферблате, вечер мешается с ночью, утро с днем — и человек не сразу переходит в новое измерение суток.

Мы это чувствуем по литературе. Или по крайней мере по литературной печати. На больших часах стрелка переведена, а на наших — еще нет. Что-то еще тормозит, не пускает, упрямо тщится удержать их в прошлом времени.

Газеты и журналы продолжают выдавать в свет статьи и рецензии с безудержными похвалами в адрес авторов и книг, которые — даже если их поставить под стекло знаменитого крымского телескопа — вряд ли могут быть приравнены к величинам, имеющим знак плюс. В литературной периодике все еще возводятся потемкинские деревни и строятся ветряные мельницы, которые очередной Дон Кихот должен принять за великанов.

Что нужно нам? Что есть знамение времени? Ужесточение критериев. Приведение их в соответствие с реальностью. Разрыв между словом и делом обязан быть преодолен, как нигде, в литературе. Ибо в противном случае нас ждет девальвация слова, обесценивание слова, несоответствие его золотому запасу смысла.

Мы не двинемся ни на шаг, если не скажем парадной литературе, что она парадна, а честной и высокой литературе, что она высокая. Оценить талант может только талант. Поэтому проблема таланта так же важна для критики, как и для всей литературы.

Простыни статей, где нет ни одного живого слова, где даже похвалы похожи на позавчерашний торт, который уже потек и в маргаринной своей жирности и сладости вторичен, не могут устелить дорогу к будущему. Они навевают тоску и апатию. Они бросают тусклый свет на самих хвалимых, еще более обесцвечивая их работу.

Я думаю, мы должны вырваться на простор живого языка, ясного, прямого и открытого слова, которое, не боясь быть «нехудожественным», сказало бы нам правду, как она есть.

Есть художественность и художественность. Есть художественность, про которую Белинский говорил, что то, что художественно, уже и нравственно, есть «художественность», где вся эта музыкальность и пластичность — лишь выучка, хорошо перенятые **приемы** (подчеркиваю это слово) и вся сложность которой состоит в том, что она сложно скрывает отсутствие идей.

Литературе нужны идеи — они нужны и жизни, которая ждет их, в том числе и от литературы. И тут испытание выдержит тот — к какому бы поколению он ни принадлежал,— кто сможет эти идеи дать.

Критика на некоторое время ушла в классы классики. Там она подучилась, там прошла историческую переподготовку, там ей были преподаны уроки критериев высшего порядка. Не механически, не высокомерно, а с пониманием и вниманием должна она перенести эти критерии на литературу-современницу.

Нет разрыва поколений, и я с чувством надежды вглядываюсь в те новые таланты, которые стали такой же реальностью, как «деревенская проза» или проза о войне. И в лучших из них я вижу наследование, а не разрыв. Лучших из них я, кстати, видел у гроба Абрамова, когда мы хоронили его в Верколе.

«Дело, в том, что нам пора перестать **казаться** и начать **быть**, пора оставить, как дурную привычку, довольствоваться словами»,— писал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Призыв этот без обиняков мы могли бы обратить и к нам самим.

Литературные заметки

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. Н. ТРОЕПОЛЬСКОГО

ЗАКОН МНОГООБРАЗИЯ

Говорят, что после того как на экраны вышел фильм «Белый Бим Черное ухо», бесстрастная статистика отметила резкое увеличение желающих завести в доме собаку. Драма взаимоотношений человека и его четвероногого друга позволила людям не только пересмотреть свой взгляд на «братьев наших меньших», но и понять их отношение к нам, «царям природы».

В повести, по которой был снят фильм, выдержавшей множество переизданий, наиболее ярко, пожалуй, раскрылся талант Г. Н. Троепольского — писателя-лирика, великолепного пейзажиста, тонкого психолога. Трезво, без ханжества объясняет автор, кто такой настоящий охотник: не убийца-душегуб, а защитник леса,— с острой публицистичностью говорит о различных модах, связанных с уничтожением «вредных» птиц и зверей, бесконтрольном применении ядохимикатов, когда, спасая поля от вредителей, уничтожали птиц и тем самым губили поля...

Есть писатели, история жизни которых связана не только с постоянным литературным творчеством. Она включает в себя непосредственное участие в повседневной практической работе, на первый взгляд незаметной, неяркой, обыкновенной и в то же время значительной. Когда в 1953 году на страницах журнала «Новый мир» появились рассказы Гавриила Николаевича Троепольского под общим заголовком «Из записок агронома», их автору было уже далеко за сорок. За плечами долгие годы труда в сельском хозяйстве, раздумий, опыт каждодневных житейских наблюдений.

Сам Г. Троепольский объясняет, что стал писателем под влиянием своего школьного учителя Г. Р. Ширмы, впоследствии народного артиста СССР: «Я вряд ли стал бы писателем, если бы не встретил в жизни Григория Романовича. Он научил нас думать над прочитанным. Под его руководством мы основательно познакомились с сочинениями русских классиков». Закончив обучение в сельскохозяйственном училище, Троепольский преподавал некоторое время в сельской школе в родной Воронежской губернии. После напряженного трудового дня молодой учитель записывал свои впечатления; тут и охотничьи зарисовки, и портреты сельчан, и заметки крестьянского быта. Но все это не для печати, а так: «Рука чесалась»,— как объяснял потом Гавриил Николаевич.

В 1937 году в первом номере альманаха «Литературный Воронеж» появился рассказ «Дедушка», который Троепольский подписал псевдонимом. «Чем больше я перечитывал тогда рассказ,— вспоминал Г. Н. Троепольский,— тем меньше он мне нравился, и я решил, что писателем быть не смогу. Как раз в это время я увлекся селекционным отбором проса».

Троепольский трудился тогда на Острогожском сортоиспытательном участке. Дело шло: будущий писатель за короткое время вывел восемь сортов проса, опубликовал ряд специальных статей, а затем и две книги по проблемам селекции.

Казалось бы, жизнь удалась, работа удалась, но вспомним: «Рука чесалась»,— а за годы работы в сельском хозяйстве Троепольскому пришлось столкнуться с множеством людей, и людей разных.

И вот "Записки агронома". Появление «Записок» совпало с началом серьезных изменений в сельскохозяйственной политике нашей страны. Гражданское чувство, профессионализм агронома, беспокойная мысль помогли Гавриилу Николаевичу подметить в изображаемой жизни большие и важные перемены.

Перечитывая сейчас цикл рассказов «Прохор семнадцатый и другие» («Из записок агронома»), ловишь себя на мысли, что и спустя тридцать лет они актуальны, что имеются еще «герои» Троепольского. Изменились, конечно, они внешне, изменился их язык, но проявляется их механическое усердие, нацеленное на пустословие, угрюмое скопидомство, слепое администрирование.

Критики неоднократно отмечали, что Троепольский уделяет отрицательным персонажам значительно больше внимания, и на первых порах зачислили его по департаменту сатиры. Но уже в более поздних рассказах — «Соседи», «У Крутого яра», «Митрич»— люди настоящего труда выписаны им с пристрастным вниманием к богатству их внутренней жизни. А вот повесть «Кандидат наук» автор обозначил как «отчасти сатирическую».

Здесь Троепольский полностью раскрывает и свои сельскохозяйственные познания, и литературный талант, вводит приемы преувеличения, нарушения бытовой достоверности. Да это и понятно: речь то идет о насильственном, повсеместном внедрении некоей сельскохозяйственной культуры, о том, что «то уничтожали травы, то снова сеяли, то рубили лесные полосы, то снова сажали»,— словом, о том, что тяжко переживал сам, что наносило серьезный ущерб нашему сельскому хозяйству.

Люди, хорошо знающие Гавриила Николаевича, уверяют, что на рабочем столе писателя можно увидеть рядом и страницы новой повести, и рукопись начинающего автора, и автореферат диссертации, предложенной к защите на соискание ученой степени в области сельскохозяйственных наук, и рецензию на монографию по вопросам селекции и мелиорации.

Очевидно, что и в своих публицистических работах Г. Троепольский говорит о том, что лучше всего знает, что более всего его волнует,— о сельском хозяйстве. В очерке «О реках, почвах и прочем», например, он напоминает: «Нет ни одной отрасли науки, где бы закон многообразия не имел такого решающего значения, как в сельском хозяйстве».

И в публицистику, и особенно в художественные произведения Г. Н. Троепольский приносит вместе с незаурядным талантом социальный и нравственный опыт личности, неторопливую рассудительность, проистекающую не от усталости, а от подлинной гражданственности, от знания жизни, веры в нее. В этом суть облика Троепольского-писателя.

В. ПОТРЕСОВ

среди книг

СОВРЕМЕННЫЙ «СОВРЕМЕННИК»

Для воспитания у молодых людей энергии, инициативности, умения самостоятельно мыслить необходимо преодолеть инертность школьного образования. И не только в изучении прикладных наук. Может быть, именно этим требованием жизни вызвано появление книг, подобных сборнику «Публицисты «Современника», выпущенному издательством «Детская литература» и адресованному старшеклассникам.

В оглавлении много знакомых имен: Белинский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Щедрин... Все их знают, все «проходили»: статьи об «Онегине», «Ты и убогая, ты и обильная...», сны Веры Павловны, Катерина — луч света... Школа, увы, неплохо потрудилась, чтобы создать стереотип, навести «хрестоматийный глянец» на лица деятелей культуры прошлого. Теперь это уже не лица, а лики.

А ведь была живая жизнь, революционная ситуация, сшибка идей, решение «вопросов», литературные споры, «неверный звук»...

«Публицисты «Современника». М. «Детская литература», 1985. 255 с.

Н. И. Якушин (составитель книги) не случайно назвал свой сборник «Публицисты «Современника». Во вступительной статье «Живой голос эпохи» он дает определение публицистики как рода литературы, подкрепляя свой взгляд позицией революционных демократов. Чернышевский, например, по слову автора, видел «главную задачу публицистики в руководстве общественным мнением, в пробуждении политической активности масс, в борьбе против реакции во всех проявлениях духовной жизни общества, в организации пропаганды передовых идей». Сказано исчерпывающе ясно и звучит вполне актуально. На этой основе и составлен сборник.

Знакомясь с ним, видишь воочию преемственность передовой мысли и нашу кровную близость к лучшим представителям культуры прошлого. Разве не актуально звучат сегодня слова Герцена: «Обвинение, всего чаще повторяемое и совершенно верное, состоит в том, что с некоторого времени материальные интересы подавили собой все другие; что идеи, слова... повторяются теперь по привычке, из учтивости... люди увидели важность... благ и предались одному экономическому вопросу... Печальное недоразумение состояло в том, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обеих сторон жизни».

Душевное измельчание, повышенный интерес к престижу, карьере, тщеславие и зависть были презренны во все времена. В самом деле, «не все же нам... рыскать по магазинам; толковать о том, что такой-то из наших приятелей получил такое-то место, а другой... такой-то чин... такое-то звание, такую-то награду или такое-то повышение; завидовать всем этим лицам втайне и злословить их въяве...»,— пишет Иван Панаев.

Безыдейность и жажда житейских благ имеют своим следствием бесхребетность и отсутствие принципов. Благонамеренный щедринский Вася Чубиков вполне откровенно декларирует: «Я, любезный друг,.. могу сегодня думать так, а завтра могу думать не так. Я думаю, mon cher, как мне нравится и как мне в данную минуту думать выгодно».

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить!

А каково место литературы? Достаточно ли ей видеть общественные проблемы, бичевать недостатки? Белинский далек от такой примитивизации предмета:

«Как ни списывайте с натуры, как ни сдабривайте ваших списков готовыми идеями и благонамеренными «тенденциями», но если у вас нет поэтического таланта,— списки ваши никому не напомнят своих оригиналов, а идеи и направления останутся общими... местами».

Критика же и публицистика призваны быть не только свободны от пристрастий и групповщины; они должны быть самостоятельны. «Быть независимым не то значит, чтобы не кланяться направо и налево... быть независимым значит иметь цельное самостоятельное воззрение на все, собственное миросозерцание всего сущего и являющегося.— Вот запаситесь-ка таким миросозерцанием, да и держитесь его строго, проводите его — неуклонно во всех ваших статьях — тогда у вас песня пойдет другая»,— писал в 1863 году Г. З. Елисеев.

Важнейшую общественную задачу демократы — авторы «Современника» справедливо видели в правильной постановке воспитания. Об этом пишут и Слепцов, и Михайлов, и Добролюбов. Его высказывания просятся на страницы сегодняшних газет, обсуждающих вопросы перестройки школы, повышения авторитета учителя: «В умственном отношении от идеального наставника... требуется ясность, твердость и непогрешимость убеждений, чрезвычайно высокое, всестороннее развитие, обширные и разнообразные познания, приведенные в полную гармонию с общими принципами».

Как мы видим, голос публицистов «Современника» — это и в самом деле живой голос эпохи, воспитывающий гражданственность и в своих нынешних читателях.

Книга привлекает разумным и четким построением: во вступительной статье даны краткая история некрасовского «Современника» и ее периодизация. Маленькие вводные главки, частью историко-литературного, частью биографического (когда речь идет о менее знакомых читателю именах) характера и небольшой, но необходимый комментарий делают ее доступной всем.

Издательство «Детская литература» сделало доброе дело. Хотелось бы, чтобы это начинание имело свое продолжение и появилась серия, где публиковались бы произведения других критиков и публицистов, скажем, журнала «Отечественные записки».

Будем ждать новых книг интересной серии.

М. ГРИНЕВА

40 ЛЕТ НАЗАД, 29 НОЯБРЯ 1945 ГОДА, БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ФЕДЕРАТИВНАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА ЮГОСЛАВИЯ (НЫНЕ СФРЮ)

С маркой «ЭНЕРГОИНВЕСТА»

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

— Обязательно побывайте на заводах известного югославского объединения «Энергоинвест»,— посоветовал мне перед командировкой в Югославию Юрий Леонидович Возианов, ученый секретарь управления по сотрудничеству с социалистическими странами Государственного комитета СССР по науке и технике.— Продукция «Энергоинвеста» хорошо известна в нашей стране. Уже давно сложились у нас тесные научно-технические связи, которые постоянно укрепляются. Да и находится это объединение в одном из красивейших городов Югославии — Сараево.

...Поезд в Сараево пришел на рассвете. Но город уже проснулся и был полон того утреннего оживления, которое присуще городам-труженикам. Рабочие и инженеры спешили на фабрики и заводы, школьники — на занятия, студенты — в университет. Вот и старинное здание Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Слава Сараево как культурного, промышленного и научного центра затмила былую историю города, но древние плиты помнят и нашествия иноземцев и печально известное покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда, явившееся поводом первой мировой войны...

Высотное здание «Энергоинвеста»— одно из самых красивых и современных зданий города. О продукции этого объединения мне не раз приходилось слышать добрые отзывы, когда я бывала на Смоленской, Курской и Чернобыльской атомных станциях. Еще в 1979 году здесь был сделан первый сепаратор пара для Чернобыльской АЭС. О том, как доставляли 285-тонную гигантскую стальную «сигару» из Сараево на Украину, рассказывали легенды. Пришлось создать специальную платформу (она стала потом темой докторской диссертации одного из ученых СФРЮ) и, поставив на нее сепаратор, доставить его сначала по железной дороге, через 42 тоннеля и 60 мостов, до побережья Адриатического моря, а затем, подняв сепаратор мощным краном, погрузить на океанский корабль и отправить в Ильичевск. Югославские и советские специалисты конкретно показали тогда, как можно успешно решить задачу перевозки на далекое расстояние гигантских сложнейших инженерных конструкций.

— А сейчас от нас уже «ушел» в Советский Союз тридцать шестой по счету такой сепаратор! — говорит генеральный директор объединения товарищ Драгутин Косавац.

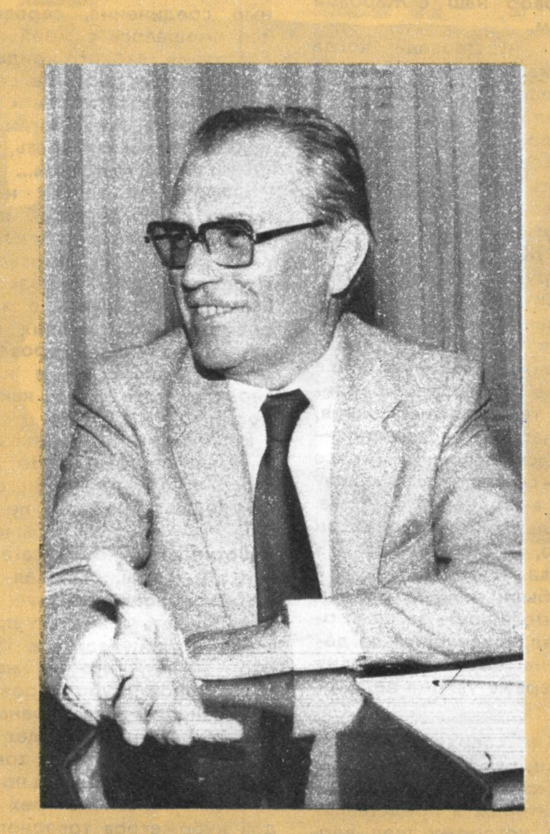
Сараево — его родной город. Здесь хорошо помнят большую дружную семью Драгутина. Отец работал токарем, мать преподавала в гимназии. Все три сына — рослые красавцы. От родителей унаследовали трудолюбие и обостренное чувство справедливости, товарищества. С пятнадцати лет Драгутин участвовал в молодежном коммунистическом движении, а в семнадцать стал коммунистом. В 1941-м ушел в горы к партизанам. Из Сараево в горы пришли горькие вести. За помощь партизанам расстреляли отца Драгутина. В боях с фашистами погибли братья-партизаны — старший Милан и младший Бранко. «Как там мама? Ведь она осталась совсем одна»,— с тревогой думал Драгутин.

Четыре года отважно сражался он в партизанском отряде, мечтая, как после победы вернется домой, обнимет мать и будет ей опорой и поддержкой, как была она им всем: и отцу, и сыновьям.

— Выстояла моя мама,— с гордостью говорит Драгутин Косавац,— и осталась она такой же доброй, энергичной. После освобождения работала в Сараевском комитете женщин.

— А ваша жизнь как сложилась после освобождения?

— Ушел я к партизанам еще мальчишкой, а когда война закончилась, было мне двадцать один год: быстро в те годы мы взрослели. В Сараево избрали меня членом местного Совета, потом мэром города. Работал, учился. Словом, жизнь моя самая обычная, как у многих людей моего поколения.

Генеральный директор объединения «Энергоинвест» Драгутин Косавац.

О работе объединения «Энергоинвест» генеральный директор рассказывает гораздо охотнее, чем о своей жизни.

— Наше предприятие — ровесник самоуправления. Сначала это была проектная организация — всего девяносто сотрудников, а сейчас объединение включает в себя заводы (где работает 40 тысяч человек), научные институты. Кроме Сараево, наши заводы есть и в других городах страны. Продукция объединения — сложнейшие машины и аппараты для энергетики и горнодобывающей промышленности: мощные подстанции, трансформаторы, моторы, командно-релейные установки, компрессоры, сепараторы для атомных станций.

На стене висит карта мира, стрелками показаны страны, куда идет продукция «Энергоинвеста»,— это 40 государств.

— А главный наш партнер — Советский Союз, как по экспорту, так и по импорту он занимает первое место, и по научно-техническому сотрудничеству тоже, особенно в области ядерной энергетики, электросварки, химии, обработки металлов взрывом. Уже более двадцати лет мы связаны с советскими учеными — академиком Борисом Патоном, председателем Государственного комитета СССР по науке и технике академиком Гурием Марчуком, академиками Александром Шейндлиным, Владимиром Кириллиным.

— В чем, на ваш взгляд, заключается взаимная польза от такого сотрудничества?

— В СССР чрезвычайно высок уровень фундаментальных исследований. Научные институты обладают специалистами мирового класса, большим опытом, и мы многому у вас учимся. С другой стороны, мы здесь более энергичны в смысле скорейшего внедрения в практику научных достижений, и там, где наладилось сотрудничество с обеих сторон, есть хорошие результаты.

...Объединение включает несколько заводов, и я отправилась на один из них, туда, где производятся сепараторы для Чернобыльской атомной станции. Две гигантские «сигары» стоят в цехе, уже готовые к отправке. На третьей идет сварка швов. Сепаратор пара для АЭС относится к особо сложной и трудоемкой продукции завода. Чтобы создать его, надо идти в ногу с наукой и техникой атомного века, ведь сепаратор работает в зоне высокой радиоактивности и должен быть надежен, точен.

— Обратите внимание, диаметр этой «сигары» — почти три метра, толщина стенки двухслойного платинового металла — 115 миллиметров. Специальная сталь. Сваривали взрывом, по методу ваших специалистов. Мы и с сибирскими учеными крепко дружим,— говорит директор завода Божидар Беговић, кандидат технических наук. В 1979 году, когда первый сепаратор пара везли в Ильичевск, он сопровождал его до места назначения — Украины.

Божидару Беговичу не довелось сражаться с фашистами за свою родину. Родился он в селе неподалеку от Дубровника, и, хотя родители были крестьяне, он с детства полюбил технику, пошел в ремесленное училище, потом в техникум и, как отличник, поступил в Сараевский университет. После окончания университета оказался здесь, на заводе, и уже без отрыва от производства писал свою кандидатскую по сварке металлов взрывом. Он не раз бывал в нашей стране — на Смоленской, Курской, Чернобыльской атомных станциях.

— За все время эксплуатации нашего оборудования на советских атомных станциях мы не имеем никаких замечаний. Для нас это высокое признание класса работы!

...Покидая «Энергоинвест», я думаю о том, как зримо видно в жизни этих двух людей, Драгутина Косаваца и Божидара Беговича, время, определившее судьбу их родины, в героической борьбе с фашизмом отстоявшей свою независимость.

Сараево — Москва.

НАЧАТЬ ПРОМЫШЛЕННУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПРИКАСПИЙСКОЙ НИЗМЕННОСТИ И СОЗДАНИЕ НА ЭТОЙ БАЗЕ КРУПНОТОННАЖНОГО ГАЗОХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Из проекта «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года».

Алексей МАСЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Вертолет взвыл, набычился и лбом пошел навстречу ветру. Девушка, сидевшая рядом, прижала к ушам ладони и закрыла глаза. Под нами пробежали крыши поселка Минпромстроя, мелькнули вдали гигантские свечи заводских труб. Вертолет своей тенью пересек черту автомагистрали, серебристую на фоне желто-бурых песков, вышел из виража, и до самого Аксарайска четко, как на макете генплана, пошли автобазы, временные жилые поселки, галочки ЛЭП, склады, железнодорожные пути, автодороги... Представить, что всего лишь два-три года назад здесь была пустыня, было невозможно. Но если посмотреть на географическую карту, именно отсюда, с левобережья Бузана, крупнейшего рукава Волги, начинается безжизненная земля—пески Батпайсагыр: волны барханов, поросших пучками тамариска, чингиля и верблюжьей колючки, до семидесяти градусов раскаленный песок и пыльные бури бесснежной зимы.

Хорошую жизнь, говорят, можно рассказать коротко.

Она окончила газотопливный техникум в Саратове. Мечтала о романтике экспедиционной жизни. Но оказалось, что специалисты ее профиля нужны были здесь, на Волге, в Астрахани. Так с 1949 года и началась трудовая жизнь Маши Яниной. И сейчас Мария Ефимовна Жарова работает там же, в Астраханской геологоразведочной экспедиции.

В комнатушке полевого вагончика, тесной и холодной (я не знаком с начальником этой организации, но условия, в которых работают ее сотрудники, не вызывают к нему заочной симпатии), помимо повидавшего на своем веку стола Марии Ефимовны, примостилась каким-то образом чертежная доска, за которой, как за конторкой, работал юноша, сосредоточенный и серьезный, не обращавший на нас никакого внимания. Разговор наш с Жаровой был недолгим.

— Что вы чувствовали, когда впервые на ваших глазах скважина дала нефть?— последнее, о чем я спросил ее.

— Это было давно. Но чувство, которое при этом испытала, не могу передать словами,— сказала она. Глаза ее в молодости, надо полагать, смутившие покой не одного только Жарова, стали влажнее и ярче, руки ожили, она отодвинула стопку бумаг на столе и распахнула пальто.— Когда я увидела, как из скважины ударила нефть, у меня от волнения все дрожало. Я не помню, что говорила. У меня текли слезы. Волков, начальник нашей экспедиции,— она улыбнулась, вспомнив своего начальника,— сказал, что я пла́чу от сознания выполненного долга. Это удивительное чувство. Если упростить его, то получится, что я была счастлива.

Эти слова были сказаны так выразительно, что юноша за конторкой, я заметил, отвлекшись от дела, смотрел на Марию Ефимовну так, будто впервые увидел ее.

...В проекции сверху земля выглядит так же, как карта, но только без подписей. Сначала по знакомым ориентирам я представлял маршрут, по которому шел вертолет, но через десять — пятнадцать минут спутался. Смутила река: то она слева, то неожиданно появится справа. Думал, летим вдоль Ахтубы, нет, вижу у парома хвост грузовиков, а рядом красная консоль строящегося моста. Значит, это Бузан. Все сразу стало на свое место, а под нами, чуть сбоку, уже бежала ниточкой автомобильная магистраль, соединившая для многих знакомых и незнакомых мне людей два адреса: место их работы и место жительства — адреса, из которых так часто и складывается наша судьба.

Николай Сергеевич Золотухин, заместитель директора Астраханского газоперерабатывающего завода, нетороплив и деликатен. В своем деле он как рыба в воде.

— Вы знаете, сколько газа дает стране только Тюмень?— ставя пепельницу на блокнот, неожиданно спросил он.

— Судя по газетам, много,— сказал я.

— Да, миллиард кубометров в сутки. По добыче газа мы занимаем сегодня первое место в мире. И шестьсот миллиардов, у порога которых стоит страна, для нас не предел.— Он сделал небольшую паузу, закурил.— Что значат для того количества газа, которое мы имеем, астраханские несколько миллиардов! Тогда спрашивается, зачем мы вкладываем громадные средства, форсируем строительство, тратим валюту? На этот вопрос дает нам ответ вот эта машинка,— постучав пальцем по микрокалькулятору, сказал Золотухин.— Идемте. Этот заво́д нужно видеть, потому что другого такого в мире пока еще нет.

Дул плотный, холодный, острый ветер. Но его Николай Сергеевич не замечал. Речь его, насыщенная цифрами, химическими формулами, профессиональной терминологией, часто оказывалась недоступной моему разумению. Что-то мы подсчитывали, переводили объемы в массу, тонны — в железнодорожные составы. Меркаптаны, высшие углеводороды, азот, углекислый газ, органические серные соединения, сероводород — все смешалось в моей голове до состояния газового конденсата. Но мне хотелось даже не столько понять или разобраться в тонкостях химической технологии, сколько психологически усвоить, что ли, и воспринять увиденное...

Около десяти лет назад был подтвержден научный прогноз о высоких перспективах газоносности в районе Астраханского свода. Последние данные позволили пересмотреть расчетные параметры нового месторождения и по содержанию в нем сероводорода — до 26,9 процента — и конденсата характеризовать его как уникальное.

Решениями XXVI съезда КПСС было намечено на базе Астраханского газоконденсатного месторождения создать промышленный комплекс по добыче и переработке газа, конденсата и производству серы. Первая очередь газоперерабатывающего завода должна дать товарную продукцию в четвертом квартале 1986 года. Это значит, что из нескольких миллиардов кубометров отсепарированного газа страна в самое ближайшее время будет получать ежегодно сотни тысяч тонн бензина, столько же дизельного топлива и мазута, около трех миллиардов кубометров товарного газа и, самое главное, сотни и сотни эшелонов жидкой и твердой серы, то есть сотни тысяч тонн удобрений на пашни Родины...

После обеда в рабочей столовой (про себя отметим, что при желании людей, оказывается, можно кормить быстро, вкусно и дешево) я задал Н. С. Золотухину еще несколько вопросов.

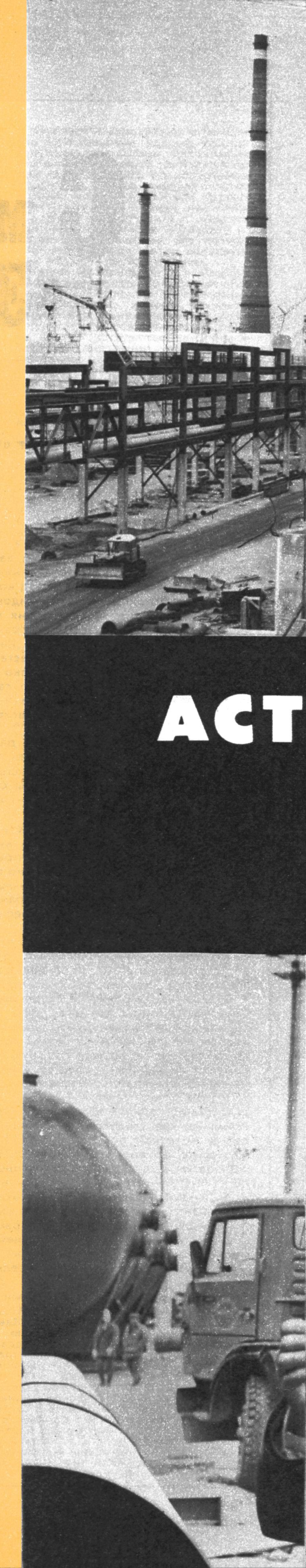
— Какова стоимость строительства такого завода, срок его окупаемости и рентабельность производства?

— Стоимость строительства — полтора миллиарда рублей. Сюда надо добавить еще полтора миллиарда на обустройство промышленной зоны и столько же—на жилищное строительство. Срок окупаемости — семь лет.

— Ваше производство сопряжено с переработкой высокотоксичного сырья, не так ли?

адреса великих свершений

НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС

Смена комсомольско-молодежной бригады В. Зайцева на строительном участке будущего завода.

РАХАНСКИЙ СВОД

Н. С. Золотухин (слева), заместитель директора Астраханского газоперерабатывающего завода, с французскими коллегами на стройплощадке ГППЗ.

— Да, сероводород, меркаптан, сероокись углерода, содержащиеся в пластовом газе, требуют особого внимания. Защите окружающей среды, обеспечению полной безопасности людей, занятых в производстве, максимальному снижению выбросов вредных веществ в атмосферу уделяется чрезвычайное внимание. Общая стоимость всех мер по обеспечению безопасности и строительству природоохранных объектов составит почти четвертую часть стоимости завода.

— Какие организации принимали участие в разработке проекта и заняты сегодня на строительстве комплекса?

— Тридцать одна организация различных министерств и ведомств. Сейчас основные строительно-монтажные работы ведут Минпромстрой, Минэнерго, Минтрансстрой, Минмелиоводхоз и Мингазпром — заказчик.

Вахтовый рейс — это всегда знакомые лица. Откуда бы вы ни возвращались — со строительства газопровода или высокогорного тоннеля, с нефтяных промыслов или буровых Заполярья, — вы отметите трудноуловимое под обыденностью поведения сдержанное достоинство человека, завершившего вахту.

От Аксарайска до Астрахани тридцать пять — сорок минут лета. Кто дремал, кто почитывал книгу или просматривал газету. Глядя на пассажиров, я вспомнил о номере газеты, которую мне дал Н. С. Золотухин. Привожу здесь строки, которые были подчеркнуты: «За период до 1992 года в Астрахани будет введено в строй полтора миллиона квадратных метров жилой площади. За семь лет будет построено: восемь школ, двадцать детских садов, несколько больниц и поликлиник. Магазины «Универсам» и «Океан», «Дом техники», Дом культуры газовиков, Дом пионеров, три кинотеатра, две детские музыкальные школы, библиотека на двести тысяч томов, комплекс спортивных сооружений, трамвайное и троллейбусное депо, скоростная автомагистраль, две новые АТС. Уже в будущем году вступит в строй первая очередь завода крупнопанельного домостроения мощностью сто сорок тысяч квадратных метров жилой площади в год. Аксарайск — центр газового комплекса — будет связан с городом электричкой...»

...И поймы рек, и луга, окрашенные блеклыми красками поздней осени, квадраты полей и лоскуты огородов, заросли камыша по берегам ериков—мелких рек— все это осталось позади. Магистраль, бежавшая под нами, как монорельс, влилась в новые кварталы города неожиданно. Это был юго-восток Астрахани—новый жилой массив газовиков. Здесь живут люди, с которыми мне приходилось встречаться и кто помогал мне в работе. У каждого из них своя жизнь, свои заботы. Но за словами «ввод», «освоение», «пуск», создающими ритм нашего времени,—их общий труд. Для них это слово не просто синоним доблести и геройства — они не приемлют громких слов. Труд для них, впрочем, как для любого нормального и здорового человека,— это основа краткого, сильного, энергичного слова «жизнь».

Аксарайск — Астрахань.

НЕМОЙ ТОВАР

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Отчего так неточно и нечетко маркируется продукция пищевых предприятий? Как при этом определить срок годности товара? Почему на сопровождающих изделие этикетках не указывается состав того или иного продукта? Молочная промышленность, руководителям которой прежде всего и адресовались эти вопросы, не отозвалась на выступление журнала («Огонек» № 41, «Немой товар»).

Зато из Госстандарта СССР поступил деловой, конкретный ответ. Заместитель председателя комитета А. Наволоцкий пишет, что в статье «Немой товар» правильно «подняты вопросы необходимости улучшения маркировки пищевых продуктов». И Госстандарт совместно с другими ведомствами «начал работу по упорядочению маркировки продовольственных товаров». В настоящее время «на каждой единице фасовки молочной продукции указывается дата конечного срока ее реализации».

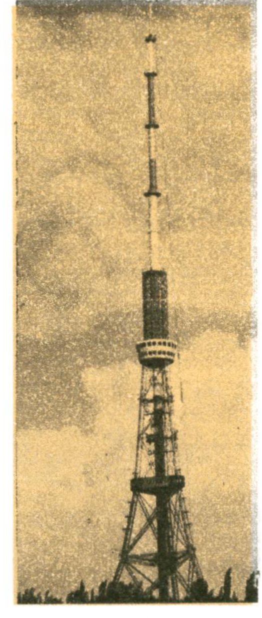
Однако, резонно отмечает заместитель председателя Госстандарта СССР, ссылаясь на публикацию журнала, в «этом деле до сих пор много серьезных недостатков». Имеющаяся на этикетках информация «в большинстве случаев не содержит сведений о питательной ценности продукта, его качестве и назначении, а также о сроках и режимах хранения». Изучив эту проблему, Госстандарт «принял решение о проставлении на этикетках соответствующих информационных показателей. Более того, теперь в государственные стандарты и другую нормативно-техническую документацию на продовольственные товары будут вноситься изменения, предусматривающие выполнение работ по разумной, понятной каждому покупателю маркировке товара».

Понятно, это работа не одного дня, предупреждает нас от торопливости письмо Госстандарта, и «этикетки с указанными показателями будут внедряться по мере использования этикеток с ранее принятой маркировкой». С этим спорить не следует: не по-хозяйски выбрасывать уже готовые наклейки на банки, баночки, бутылки, пачки. Зачем пускать под нож то, что уже приготовлено для упаковки, скажем, творога или плавленых сырков? Но сроки применения новых, грамотных, соответствующих этикеток и надпечаток знать хотелось бы. А пока мы просим наших читателей да и руководителей предприятий пищевой и молочной промышленности сообщить нам, когда они встретятся с этикетками новой формы, сделанной в соответствии с решением Госстандарта СССР.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА

На лифте в облака

Ереванская башня.

Башня вырвалась в небо, оставляя далеко внизу и громады дворцов, и Адмиралтейскую иглу, и даже Петропавловский шпиль. Поднять стальные конструкции на такую высоту помог особый, ползающий кран. Его укрепили на строящейся башне. Она росла, он полз по ней все выше и выше, поднимая части башни. На высоте двести семьдесят метров это стало опасно. Башня кверху сужалась, а кран весил много. При сильном ветре он мог раскачать ее и наделать бед. Поэтому метеорологи ежедневно сообщали строителям прогноз погоды, чтобы кран в нужный момент мог спуститься вниз. На высоте сто девяносто метров в башне устроено трехэтажное здание. Сквозь его стеклянные стены виден весь Ленинград, даже Финский залив. Поднимаются в это здание на скоростном лифте за пятьдесят восемь секунд. Дальше лифт не идет: там только антенны.

В XIX веке в Петербурге русские ученые Бенардос и Славянов изобрели электросварку. А спустя столетие в Ленинграде была сооружена эта телевизионная башня, элементы которой соединены целиком и полностью электросваркой. Высота башни — 316 метров. Но не все знают, что металлоконструкции для нее изготовлены в Днепропетровске на заводе имени Бабушкина.

Потом у металлистов этого завода был другой заказ: телевизионная башня в Киеве. Ее высота — 385 метров.

Институт электросварки имени Е. О. Патона предложил монтажникам новый метод сборки башни: работы начинались с верхушки башни, на земле, потом с помощью сильных домкратов поднимались, под нее приваривались остальные части башни.

Вот еще одна башня. Но назначение ее иное.

В нижних слоях атмосферы протекают чрезвычайно сложные и важные процессы, которые мы изучаем. Они имеют большое значение для всей жизни и деятельности человека. Здесь происходит постоянный обмен и теплом, и влагой между атмосферой и почвой. Для изучения атмосферы под Москвой воздвигнута огромная метеорологическая башня-лаборатория высотой 313 метров. Это тоже творение рук бабушкинцев.

В белой стальной трубе — двери, ведущие в помещение, где расположен лифт. Лифт самый обычный, но он поднимается в облака. Подъем длится три минуты. Приборы, с помощью которых ведутся наблюдения, вынесены за пределы башни на особых длинных реях. От приборов проложены провода, по которым передаются их показания на пульт лаборатории, размещенной на земле.

Новейшая работа бабушкинцев — заказ Еревана. Если Эйфелева башня весит 9 тысяч тонн, то Ереванская благодаря применению экономичных профилей и конструкций, изготовленных из низколегированных сталей, всего 1800 тонн.

В. СИВУЧЕК,
редактор многотиражной газеты «Мостовик» завода имени Бабушкина

Для вас, любознательные

НТР КРУПНЫМ ПЛАНОМ

«НТР: проблемы и решения» — так называется новое периодическое издание ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание». В его редакционном совете выдающиеся ученые: академики, члены-корреспонденты, доктора наук, целое созвездие имен, которое могло бы составить гордость академии наук любой страны мира.

Одна из целей «НТР: проблемы и решения» — помочь читателю сориентироваться в лавинообразно нарастающем потоке научно-технической информации, здесь действует принцип тщательного отбора. Редакция использует разные жанры: корреспонденция, очерк, интервью. Публикации полезны рабочему, инженеру, руководителю производства и в то же время понятны старшекласснику, домохозяйке, преподавателю истории, литературы. Словом, каждому независимо от специальности и занимаемой должности, но желающему расширить свой кругозор, идти в ногу со временем, жить насущными задачами общества.

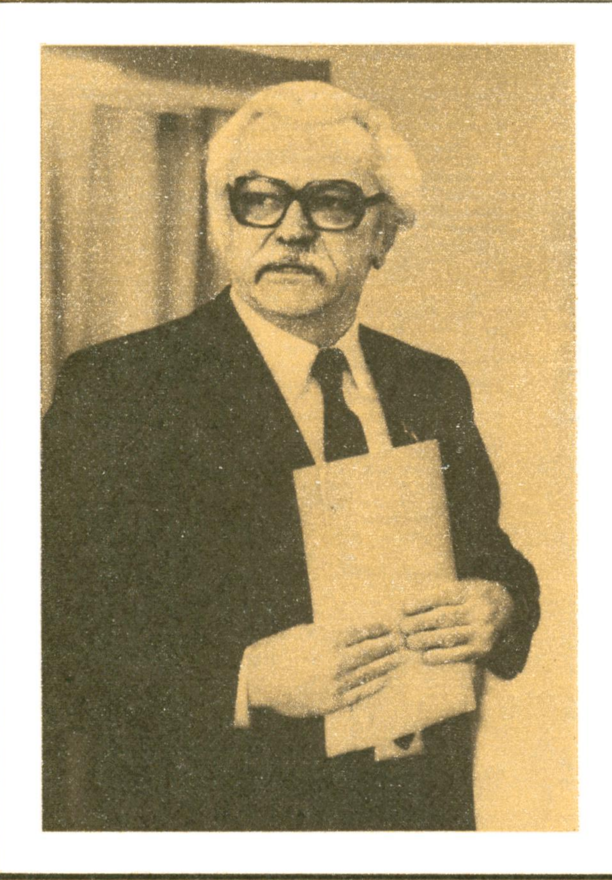
Редакция действует по принципу мозговой атаки на самые животрепещущие проблемы науки, техники и производства. Для этого существует рубрика «Проблема крупным планом». Для каждого очередного номера избирается какая-то одна. Как правило, ей отдается весь центральный разворот (по внешнему виду бюллетень — газета формата «Недели», но объемом восемь полос). Стержневой материал «атаки» — выступление крупного ученого или беседа с ним. Это может быть и «круглый стол», дискуссия специалистов. Разговор всегда идет откровенный, конкретный, нелицеприятный, вопросы ставятся остро, принципиально. Получив очередной номер, бегло просмотрев его, прежде всего читаю именно этот стержень. Затем репортажи из исследовательских институтов, конструкторских бюро, предприятий, имеющих прямое отношение к затронутой проблеме, короткие информации об изобретениях, открытиях; рассказы о том, что сделано в этой области за рубежом. Словом, получаешь полную картину, начинаешь ориентироваться в проблеме, а если остались белые пятна или возникли вопросы, здесь же дается список литературы для более углубленного изучения темы. А подрубрика «адресный ключ» поможет руководителю заинтересованного производства выйти на прямой контакт с разработчиком, изобретателем технической или технологической новинки.

Другие постоянные рубрики, как правило, «привязаны» к основной теме выпуска, но в то же время существуют самостоятельно. Это такие проблемы, как «ЭВМ и школа» — тема, относящаяся прямо к каждому из нас. Новое в медицине, например, о препарате, позволяющем значительно подрасти низкорослым людям; о волоконнооптической связи, которая, судя по всему, войдет в наш быт, не просто вытеснив провода, а революционно расширив наши возможности получения различной информации, не выходя из дома; улучшит качество телевизионного изображения и расширит функции бытового телевизора до, скажем так, видеоробота. Разумеется, тема компьютеризации производства, быта, как одна из самых насущных, не сходит со страниц издания. Недавно был опубликован очерк о первом бытовом компьютере, поступившем в продажу. Не остаются без внимания редакции история, археология — рассказывалось, например, об интересном открытии, сделанном в Псковском музее-заповеднике: найдена печать, судя по всему, князя Игоря Святославича — центрального персонажа памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Популярность издания «НТР: проблемы и решения» растет, большинство тех, кто знакомится с ним, идут на почту и заполняют бланк (индекс 70198).

И дело, конечно, не в сверхдоступной подписной плате — отдал один рубль двадцать копеек и два раза в месяц достаешь из почтового ящика «проблемы научно-технической революции и варианты их разрешения». Самое ценное — это возможность регулярно получать четкую, исчерпывающую информацию о том, что волнует нас сегодня, причем из самых первых рук (это твердый принцип редакции) — ученых, конструкторов.

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
фото автора

Сергей БОНДАРЧУК

Разгадать ТАЙНУ

На киностудии «Мосфильм» завершаются съемки фильма по трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». В картине заняты известные актеры: А. Ромашин, А. Соловьев, Г. Бурков, Е. Самойлов, И. Скобцева, И. Лапиков, а также польские артисты А. Беджиньска, О. Лукашевич. Главный оператор — Вадим Юсов, композитор — Вячеслав Овчинников, художники — В. Аронин и Л. Нови. Постановщик и исполнитель главной роли — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий С. Ф. Бондарчук. Во время встречи в редакции «Огонька» Сергей Федорович рассказал о работе над фильмом, о проблемах современного воплощения классики.

Кинематограф впервые обращается к великой трагедии Пушкина. Как это случилось — я не знаю. Есть спектакли, есть, конечно, многочисленные оперные постановки и у нас, и за рубежом. В 50-х годах режиссером Верой Строевой была снята опера Мусоргского с прекрасным Пироговым — Борисом.

К этой трагедии обращались крупнейшие режиссеры — Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд, Вивьен. Есть в этой вещи какая-то загадка. Некоторые историки литературы даже рассуждают на ту тему, что «Борис Годунов» не был предназначен для сцены. Я в это не верю. Пушкин, когда писал эту трагедию, занимался именно театром, и мы по праву считаем его реформатором русского театра.

В. Г. Белинский в знаменитых статьях о Пушкине заметил, что «Борис Годунов» — трагедия чисто эпического характера.

Восприятие эпической ткани произведения требует и от читателя, и от зрителя достаточно высокого уровня исторического сознания. Поэтому, наверное, эпическая поэзия считалась всегда высшим родом поэзии. Да и сегодня судьба эпических произведений достаточно сложна.

В работе над фильмом всегда принимают участие множество людей, а когда снимается историческая картина, тем более по произведению великого русского писателя, необходима помощь ученых — филологов, историков. Есть режиссеры, которые очень боятся специалистов, делают все в секрете, может быть, чтобы не поколебать свою концепцию того или иного исторического события. У меня другой метод. Я всегда стремлюсь привлечь как можно больше людей знающих, выслушать их советы, открываю перед ними даже незаконченную часть работы, чтобы можно было избежать ошибок, ведь пока еще есть возможность что-то исправить. Главный консультант фильма — один из крупнейших наших историков, доктор исторических наук Р. Скрынников, который посвятил много трудов именно этому времени. Вы, наверное, знаете его книги «Иван Грозный», «Борис Годунов», «Смутное время». Его последняя книга, изданная в этом году, написана уже в процессе нашей совместной работы. Сейчас, после съемок, Скрынников загорелся идеей написать роман о Борисе Годунове. Так что я могу считать себя виновником этого замысла...

Произведение Пушкина неисчерпаемо, и пройдет, наверное, немало лет, прежде чем мы приблизимся к его разгадке. Помните знаменитые слова Достоевского о Пушкине: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Пушкин написал трагедию в 26 лет — это не укладывается в голове. Как историк Пушкин был на уровне Карамзина, который, по его словам, открыл России ее историю. Это верно. Но Карамзин был не глубок по сравнению с тем, что открыл гений Пушкина, обладая, по существу, теми же источниками. Сейчас мы имеем значительно больше документов, но все, что прибавляешь, находишь в архивах, подтверждает, насколько верно Пушкин раскрыл эту народную трагедию. Под влиянием Карамзина Пушкин увидел «поэтическую» сторону в Борисе Годунове — его раскаяние, его муки совести. Но Пушкин понимает трагедию Бориса гораздо глубже, чем Карамзин, который утверждал, что Борис, если бы был рожден на троне, то стал бы великим государем. Но он совершает преступление, убивает царственного младенца, и месть провидения его наказывает... У Пушкина трагедия Бориса — это трагедия правителя, от которого отвернулся народ. И никакая мудрость не помогает Годунову выжить. Борис, будучи преемником Грозного, уничтожил его политическое наследие — опричнину, отказался от казней, пыток. Но начинается гражданская война — и полилась кровь народа. Эта кровь, а не кровь убиенного младенца была причиной гибели Бориса.

Историки описывают причины восстания в Москве весьма наивно — прибыли в Москву два дворянина, зачитали грамоту Димитрия — и народ примкнул к мятежникам. Изучение архивов показало внутренние пружины этого события. Отряды Лжедмитрия врываются в город бескровно. И в первый раз удалось в материалах отыскать такую деталь: войдя в Москву, мятежники разбивают тюрьмы, выводят оттуда битых, измученных пытками, в крови людей, и все видят, что такое эта власть, основанная на преступлении. Это при том, что Борис — первый царь, который в голодные годы открыл житницы, который так благоволил народу. Но когда дело пошло о его троне, власти, это все рассеялось, как мираж. И народ восстал против тирании.

Никакое величие не может быть прочным, если оно есть результат преступления, считал Пушкин. В трагедии кара постигает не только Бориса, а весь народ, который с ужасом видит, что отдал себя в руки убийце и узурпатору. Так расшифровывается последняя фраза: «Народ безмолвствует».

Трагедия — самый высокий жанр, потому что там есть катарсис, очищение. И в «Борисе Годунове» финальная сцена— акт пробуждения совести в народе — это есть необходимое очищение, без которого нельзя завершить фильм. Трудно сейчас сосчитать, сколько раз делался финал, пробовали самые разные варианты, чтобы найти верную точку.

Текст Пушкина философский, и кое-кому казалось, что его слишком много для кинематографа. Но нельзя было жертвовать словом, потому что в нем суть. Нужно было сохранить и мелодику стиха, не приближать его к разговорности — то есть никак не упрощать, не осовременивать трагедию.

И в театре, и в кино наша классика не раз подвергалась — не подберу слова помягче — ниспровержению. И самое удивительное, что такое ниспровержение называют «новым про-

чтением», оправдывают, даже восхваляют — в особо сомнительных случаях, заглушая авторитетом голос здравого смысла. Читаешь, например, в толстом журнале статью крупного театрального критика, и он утверждает, что наконец разгадана трагедия, наконец-то получила она гениальное воплощение, а я смотрел спектакль по телевидению, уже прочитав статью, настроившись, так сказать, и думал: разве это Пушкин? Разве это великое произведение русское?

Сколько постановок и экранизаций прикрываются формулировкой «по мотивам», сколько режиссеров прикрываются стремлением к самовыражению... Но при чем тут классик и его творение? Пиши сам, самовыражайся, но переиначивать классическое произведение — ведь это все равно что прикоснуться к народному сознанию и пытаться сдвинуть его в другую сторону! Мы не переосмысливаем Пушкина, это нелепое дело, хотя так проще всего. Докопаться до сути, доподлинно взволновать зрителя без всяких вывертов — вот наша задача.

Мне пришлось видеть спектакль по «Борису Годунову». Там Самозванец был в тельняшке, а Шуйский — в кожаном пальто. Патриарх весь спектакль бегал в подштанниках... Образность, условность свойственны искусству, они должны иметь свой отбор в соответствии со стилистикой, замыслом. Но новаторства такого рода не отобраны, а придуманы.

Мне тоже предложили сделать фильм «по мотивам» Пушкина. Но по каким мотивам? Зачем я буду придумывать за Пушкина? Есть у нас такой пример, когда в фильме по сказке Пушкина стихи дописывались режиссером. И в «Войне и мире» мне советовали идти по этому пути. Вот, например, там в гостиных рассказывают, что Пьер квартального привязал на медведя и пустил в Мойку — покажите! И не понимают, что у Толстого это светская сплетня, предваряющая появление Пьера в обществе, а мне предлагают это представить как факт. Это значит исказить Толстого!

В «Годунове» все сцены построены на методе сцепления, сопряжения друг с другом. Начало следующей сцены сопрягается с финалом предыдущей, один характер сопрягается с другим. Сопрягаются начало и финал трагедии. В финале все происходит, как в экспозиции, но в обратном порядке: от молчания — к крику, от крика — к безмолвию. И таких сопряжений в этом произведении много. Мы старались достичь этого в картине. Но чтобы это обнаружить, тоже нужна некоторая подготовленность зрителя.

Человек и народ. Судьба человеческая — судьба народная... Эта важнейшая тема пушкинская — всегда я думал о том, как ее воплотить. Это есть и в «Судьбе человека», и в «Войне и мире». Это есть и в «Борисе Годунове».

Приступая к постановке, нужно знать не только само произведение, нельзя ограничиться пьесой. Погружаясь в детали, в подробности, естественно, проникаешься самим духом истории и получаешь множество сопутствующих знаний, которые не только помогают воссоздавать приметы времени, но и расширяют рамки замысла, уточняют концепцию, приближают к постижению истины.

Мы старались воскресить эпоху во всей ее истине.

В работе над фильмом нужна любовь. С любовью связано такое понятие, как искренность. Что бы ни делал режиссер, без этого качества ничего не выйдет, каким бы профессионализмом он ни обладал.

Я знаю одного сценариста, который чуть не хвастается, что может написать сценарий на любую тему: хоть на историческую, хоть о колхозной деревне. «Я профессионал»,— говорит он. И действительно, пишет по пять-шесть сценариев в год. Но разве можно при такой скорописи думать о какой-то основательности в изучении материала, о глубине познания? Так делают фильмы-однодневки. Конечно, сама по себе продолжительность работы над фильмом не гарантирует его успеха: картина может получиться и спорной, и не все задуманное удается одинаково осуществить, но, во всяком случае, такой фильм останется фактом художественного сознания своего времени.

Мы, по-моему, сами испортили нашего зрителя, и понадобится немало времени для того, чтобы вернуть ему способность воспринимать и получать радость от общения с искусством. В кино сегодня главное — сюжет, чистым выражением которого является детектив. Мы научились делать их весьма умело. Если взять список фильмов последних лет — таких большинство. Зрители привыкли к фильмам подобного рода. И я поэтому уже предвижу, как трудно многие будут смотреть наш фильм. Но, несмотря на эти обстоятельства, мы обязаны были сделать этот фильм так, как его сделали.

В проекте новой редакции Программы КПСС есть такие слова, относящиеся к искусству и литературе: «Они призваны служить... источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли...»

Действительно, искусство — это прежде всего чувственное познание мира. И обращено оно сперва к нашим чувствам. Значит, главное в произведении — это его эмоциональная сосредоточенность, на которую, как на камертон, должна отозваться в зрителе его заветная, чистая струна. Потому искусство не терпит бездушия, бесстрастия. Только тот настрой, с которым мы работаем, может дать ответную реакцию зрителя. Конечно, все можно определить словесным путем. Но в искусстве понять — значит сделать. Снять фильм, написать роман, создать картину — у художника нет другого способа рассказать о том, что он увидел и понял в жизни — во всеобъемлющей полноте чувственного переживания. Без этого «сделанного» бесполезно заявлять о своих принципах и позициях.

Готовясь к съемкам, я собрал целый том высказываний, размышлений и о трагедии, и об истории. Его читали все члены съемочной группы, чтобы настроиться на единую тональность в работе.

У меня всегда вызывают настороженность любители делиться замыслами, объяснять, что они собираются показать в фильме, или даже комментировать уже снятую картину. В результате мы часто сталкиваемся с тем, что режиссер рассказывает одно, особенно в «Кинопанораме», а на экране выходит совсем другое.

Я не люблю рассказывать о том, как снимается кинокартина. В процессе создания фильма действуют свои законы, которые не должны интересовать зрителя и знать которые ему совершенно необязательно. Мы уже и так разъяли кинематограф, говоря словами пушкинского Сальери, «как труп», все рассказали зрителю, всю кухню: как мы его обманываем, как делаем комбинированные съемки, да еще наплели вокруг кинематографа столько всяких, и особенно юмористических, подробностей, что создается впечатление, будто делать кино — очень весело и просто!

Не буду никого ни опровергать, ни разочаровывать...

Первый вопрос, который задают и зрители, да и журналисты,— почему вы обратились к «Борису Годунову»... Я на такой вопрос ответил бы так: искусство, если это настоящее искусство, не выражается в словах. Наша работа слагается из огромного числа компонентов. Сценарий, актеры, изображение — все это объединяется в едином устремлении кинематографическим способом создать художественное произведение. У нас, когда обсуждают тематический план, всегда дают определение, о чем фильм: «о колхозной деревне, где главный герой — молодой председатель», и так далее... Или «фильм о градостроителях». Наш фильм получил определение как фильм «о народе и власти». Если только к этому сведется величайшее произведение, то этого мало для Пушкина.

Зачем же было фильм делать, если можно сказать словами то, что выражено средствами кинематографа — всеми его частями, мельчайшими подробностями, звуком, музыкой, мимикой актера? Если содержание можно выразить словами — это уже другое искусство, как, например, в живописи — плакат.

У нас выработалось какое-то упрощенное отношение и к замыслу, и к воплощению — привычка к однозначности, бесспорности. Привычка получать готовые формулы и ответы, а ведь это отучает от стремления самому думать, разбираться. Корни этой привычки — в потоке тех фильмов, суть которых действительно можно определить в одной фразе.

Хорошо ли мы знаем историю нашу? И помогает ли в ее познании кинематограф?

Когда видишь в зарубежных, особенно американских, фильмах, какими показаны наши люди (и в прошлом, и теперь), думаешь, что и мы тут виноваты! Недавно в США я видел по телевидению одну из многих серий фильма о нашем нападении на «свободный мир», который смотрят миллионы зрителей. Там показан сброд в одежде времен батьки Махно — да и тогда лучше одевались, с шиком. Один из этих «солдат» попадает в плен. И вот лощеные, интеллектуальные офицеры, американец и француз, рассматривают этого «советского» как насекомое, как животное...

А мы, показывая себя, свой народ, порой представляем убогие лица... Откуда они? Зачем?

Пора наконец покончить с глупейшим штампом показывать русского мужика этаким хитреньким, себе на уме, заросшим, волосатым уродом. Даже грим такой придуман, специальные «народные» парики из пакли — всклокоченные, надвинутые на лоб, глупые усы-щетки. Все или безобразно толстые или пьяные, с сизыми носами. Так создается у зрителя ощущение, будто жили в те времена пещерные люди.

Ну кто сказал, что русский крестьянин такой? Вспомните крестьян из «Записок охотника», Каратаева у Льва Толстого или его же солдат в «Севастопольских рассказах», сибирских крестьян Короленко, «Очарованного странника» Лескова, крестьян из поэм Некрасова и песен Кольцова и сравните с типажами из фильмов, посвященных истории нашей страны. Там все ходят в мешковине, да еще ее краской черной мажут, чтобы придать «подлинную фактуру»! Такие костюмы не надо шить. Они есть на каждой студии. Как пошел в производство такой фильм — достают со склада и одевают народ в дерюгу. А ведь такой одежды никогда не носили.

Во время работы над кинофильмом «Степь» меня обвиняли: «Что же вы показываете, идет уборка урожая, а у вас все такие нарядные». Да ведь так принято было! Надевали лучшее, белое, это был праздник. Это запечатлено и в живописи нашей, вспомните Венецианова, а теперь это возмущает кое-кого, называют это лакировкой...

Не были известны подробности быта нашего, только записки трех-четырех иностранцев. Иноземные путешественники, торговцы, дипломаты писали о России, по существу, не понимая и не стремясь понять ни особенностей ее развития, ни уклада жизни русского человека, ни традиций наших. Непонимание рождало искажения, неприятие — карикатуру. И вот этим определялось знание эпохи...

А ведь в картинах наших прославленных художников-реалистов есть тип русского мужественного красавца, не расписного ухаря-купца (есть и такой типаж), а того скромного, но уважающего и соблюдающего себя в чистоте крестьянина, которым всегда славилась наша земля.

Приезжая в Москву, в какую бы эпоху это ни было, даже в голодный год, во времена Бориса, люди тоже надевали лучшее,— ведь это столица, нужно было поклониться ей, как же можно быть грязным и нечесаным? В «Борисе Годунове» вы этого не увидите. Очень интересен и сам характер Бориса, он был совсем иным, чем мы его привыкли представлять. Это был человек набожный, благообразный, прекрасный семьянин, очень воздержанный, никогда не пивший вина. Вообще в нем не было ничего «мефистофельского», и его образ, к сожалению, исторически расходится с установившимися представлениями. Он тянул ногу — у него была страшнейшая подагра, он отказывался от престола еще и потому, что был действительно больной человек, постоянно приглашавший врачей и из Германии, и своих знахарей, травников...

...Сыграна роль, снят фильм, а я все еще, даже просыпаясь по ночам, живу Борисом, страдаю и умираю вместе с ним. Очень тяжело освобождаться от образа.

Это наша классика.

А классика, как ее ни соотноси с нашим днем, всегда жива, потому она и вечна. В великом произведении всегда есть, по словам Толстого, «содержание, важное для жизни людей». И всегда в нем утверждаются идеалы человечности.

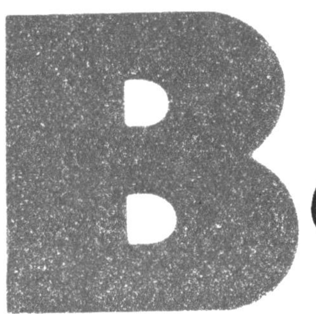
Кадры из фильма «Борис Годунов»: Григорий Отрепьев — А. Соловьев * В светлице царевны Ксении (Е. Бондарчук).

На развороте вкладки: «Учись, мой сын...». В роли Бориса Годунова — С. Ф. Бондарчук. Феодор — Ф. Бондарчук * На улицах Москвы * Царская дума * В келье Чудова монастыря. Пимен — Е. Самойлов.

Фото В. УВАРОВА

В. ПОЛТОРАНОВ,
первый заместитель председателя
Центрального совета
по управлению курортами профсоюзов

Всесоюзная здравница

Отдых в пансионатах, домах и базах отдыха, лечение в санатории давно и прочно вошли в жизнь советского человека, стали одной из характерных черт социалистического образа жизни.

Из года в год потенциал оздоровительных учреждений возрастает. Сегодня в стране свыше 14 тысяч здравниц, которые одновременно могут принять на лечение и отдых более 2 миллионов 250 тысяч человек. Мы по праву гордимся редкостным разнообразием и богатством наших природных ресурсов, восстанавливающих силы и здоровье. Однако наше богатство — это не только теплое море, яркое солнце, горы, минеральные воды и целебные грязи, щедро дарованные природой, но и построенная за годы Советской власти система санаторно-курортной помощи, доступная всем возрастным и социальным слоям нашего общества.

4 апреля 1919 года был подписан В. И. Лениным декрет СНК «О лечебных местностях общегосударственного значения», объявивший о национализации курортов и определивший принципы построения первой в мире социалистической системы санаторно-курортной помощи.

Особое место среди природных лечебных богатств страны В. И. Ленин отводил Крыму — единственному в стране району с благодатным, сухим и теплым климатом средиземноморского типа, целебная роль которого была давно известна. Крым — жемчужина среди отечественных курортов, живая страница памятников природы, архитектуры, садово-паркового искусства. Понимая оздоровительное, историческое и эстетическое значение Крыма, еще до полного освобождения полуострова от белогвардейских войск Наркомздрав РСФСР во главе с Н. А. Семашко по заданию В. И. Ленина начал подготовку к превращению его во всероссийскую здравницу. В 1920 году коллегия Наркомздрава РСФСР рассмотрела «Проект положения о временном управлении Крымом как лечебной местностью общероссийского значения».

21 декабря 1920 года Совнарком РСФСР принимает подписанный В. И. Лениным декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». В этом и следующем году был принят еще ряд документов, посвященных Крыму. Собранные воедино, они не только помогают воссоздать небывалое в истории событие — превращение уникального природного региона, доступного ранее лишь для избранных, во всероссийскую здравницу для рабочих и крестьян, но и служат источником идей, определивших перспективы, принципы и основные пути организации курортного дела в нашей стране на многие десятилетия.

В первые годы Советской власти курортами пользовались рабочие, а с середины 20-х годов за счет ассигнований из госбюджета было организовано лечение крестьян. В 1925 году в Ливадийском дворце открылся первый санаторий для крестьян. Как отмечалось в решении ВЦИК и СНК РСФСР, «курорты—достояние аристократии и буржуазии, стали ремонтными мастерскими здоровья трудящихся».

Сегодня Крым — крупнейшая здравница страны, обладающая развитой сетью санаторно-курортных учреждений, учреждений отдыха и туризма.

В период 1921—1935 годов происходила реконструкция национализированного курортного фонда: частных санаториев, пансионатов, дворцов, дач, лечебниц — и начиналось новое курортное строительство. Причем Крым традиционно рассматривался в основном как место, оптимальное для лечения больных туберкулезом. В 1935 году для Южного берега полуострова была разработана первая в стране схема районной планировки. Основой ее было расположение курортов вдоль побережья сплошной линией, которая прерывалась непригодными для строительства оползнеопасными территориями.

Со второй половины 50-х годов начался новый период в курортном освоении Крыма. При этом наряду с продолжением строительства и реконструкцией санаториев для лечения больных туберкулезом создавались санаторные учреждения с лечебно-диагностической базой для оздоровления больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, с болезнями нервной системы и органов дыхания нетуберкулезного характера. Проводилась большая работа по медицинской специализации санаториев, что определяет высокую эффективность санаторного лечения.

Одновременно совершенствовалась и развивалась транспортная инфраструктура: был построен аэропорт в Симферополе, проложена горная троллейбусная трасса Симферополь — Ялта. Завершалось строительство Северо-Крымского канала; последнее имело большое значение в решении очень острой для Крыма проблемы снабжения пресной водой. Все это способствовало освоению как новых районов побережья, так и совершенствованию курортного строительства в местах традиционных застроек.

Сейчас Крым курортный располагает почти 700 учреждениями для лечения и отдыха с общим коечным фондом около 180 тысяч мест. Преобладающая роль в массовом санаторно-курортном оздоровлении трудящихся принадлежит здравницам профсоюзов. Среди санаториев профсоюзов и такие крупные, как «Украина», «Золотой колос», имени В. В. Куйбышева. Все они лечат в основном больных с заболеваниями сердечно-сосудистой и нервной систем. Группа санаториев («Киев», «Энергетик», «Запорожье») специализирована на лечении больных с воспалительными заболеваниями почек. На базе озера Саки с месторождением целебных грязей уникального состава лечатся в санатории имени Н. Н. Бурденко больные с заболеваниями и травмами спинного мозга.

Евпаторию часто называют пионерской республикой. На этом детском курорте находится крупнейшее объединение санаторных пионерских лагерей, специализированных на лечении детей ослабленных, с нетяжелыми формами заболеваний органов движения... В таких лагерях дети не только лечатся и занимаются физкультурой, но и учатся, чтобы не отстать от школьной программы. Создание сети таких специализированных учреждений для школьников — одно из новых направлений деятельности профсоюзов, получивших развитие за последнее десятилетие.

В Крыму, как и во всех регионах страны, имеются оздоровительные учреждения для совместного лечения и отдыха родителей с детьми, например, пансионат «Донбасс», санатории для родителей с детьми «Ясная Поляна», «Мисхор». Учитывая эффективность и популярность семейного лечения, Совет Министров СССР отчисляет часть средств, заработанных на Всесоюзных коммунистических субботниках, на строительство санаториев для лечения родителей с детьми.

Одним из достижений кардиологической службы в нашей стране является организация долечивания больных после перенесенного инфаркта миокарда. Санаторные отделения для реабилитации таких больных организованы профсоюзами практически во всех регионах страны. Одно из них расположено в Крыму, в санатории «Ливадия».

Крым курортный — ныне один из крупнейших мировых центров восстановления здоровья с помощью целебных сил природы. Большое значение в научно-методическом обеспечении санаторного лечения, в разработке наиболее эффективных его комплексов имеет работа НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии имени И. М. Сеченова в Ялте. Институт оказывает также и консультативную помощь всем санаторным и оздоровительным учреждениям Крыма.

Для современного периода освоения курортного Крыма, как и для всех курортов нашей страны, характерно усиление внимания к охране природных лечебных ресурсов и их рациональному использованию. Эти проблемы здесь приобретают особую остроту в связи со стремительно увеличивающимся наплывом так называемых «неорганизованных» отдыхающих, которые, по подсчетам, составляют свыше 6 миллионов человек ежегодно. Причем основная нагрузка падает на наиболее освоенные курорты Южного берега. Эти проблемы осложняются из-за малой площади прибрежной полосы, оползней, отрицательных последствий хозяйственной деятельности человека.

Эти проблемы являются предметом тщательных научных исследований ученых. В 1982 году в Ялте состоялась сессия АН СССР совместно с ВЦСПС, посвященная охране природы солнечного полуострова.

Рекомендации ученых были учтены, предусмотрено освоение новых районов для курортного строительства (восточного, юго-восточного, западного побережий, районов горного Крыма, Азовского побережья). Освоению этих районов должно предшествовать создание необходимой инфраструктуры: транспорта, водохранилищ, искусственных берегоукрепительных сооружений, парков... Много внимания уделяется вопросам сохранения и приумножения лесов, парков, чистоте крымского воздуха. Для защиты воздуха выводятся транзитные транспортные магистрали за пределы курортных зон, укрупняются и переводятся на «экологически чистое» топливо котельные. Однако наиболее радикальный путь — использование для отопления так называемых возобновляемых энергетических ресурсов: силы ветра, волн моря, его тепла. В этом отношении в Крыму есть удачные примеры: на полуострове работает электростанция на солнечной энергии; отопление и кондиционирование недавно построенного пансионата «Дружба» для совместного отдыха трудящихся СССР и ЧССР осуществляются за счет тепловой энергии моря.

По предварительным расчетам ученых, к 2000 году полуостров сможет принять 20 миллионов лечащихся и отдыхающих при условии бережного использования его уникальных природных ресурсов.

Проблемы всесоюзной здравницы получили отражение в проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» и «Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы».

В пансионате «Мисхор» отдыхают родители с детьми.
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

СВЕТ ДОЖДЯ

Олег ШЕСТИНСКИЙ

●

Памяти Василия Лебедева

К дому, где жил мой товарищ,
пора мне идти.
Умер товарищ, нет его в горнице боле.
Но ведь остались
яблони, речка и поле
(яблони, кстати, могли уже и подрасти);
но ведь остались
племя глазастых стрекоз,
стайка дроздов на запущенном огороде;
сад, что теперь прошибет меня, может,
до слез,—
так восхищал меня на деревенском восходе.
Луг каменистый я обойду не спеша,
молча склонюсь я над летнею, сочной
травою.
Если б осталась от друга душа,
знаю, кружила б она над моей головою.
Я поднимусь на крыльцо.
Меня спросят:
— К кому?
Молвлю хозяевам новым:
— Да так, ни к кому...
Перехвачу настороженный взгляд
молодчаги.
Зашевелится шерстка дворовой собаки.
Ну, а когда я пойду по дороге назад,
внутренним чувством пойму я не наугад,
что потянулись ко мне
яблони, речка, стрекозы,
стайка дроздов...
Ибо ведь жизнь,
что для друга была дорогóй,
силу брала на этой земле луговой
и не могла истончиться в смертельной
недоле.
Яблони...
Племя стрекоз...
Вечное поле...

ОДНОЙ ПЕРЕВОДЧИЦЕ

Среди семейных огорчений,
пустых речей и мелких склок
дрожит от зябких дуновений
таланта аленький цветок.
О женщина! Как ей не просто
с балкона в воздух голубой
пускать слова, как птиц...
И в гнезда
своей души их ждать с тоской.
Ей бы возвыситься над миром,
увидеть землю с высоты...
Но долг — салат готовить с сыром,
стирать белье до темноты,
над ученической тетрадкой,
склоняясь, проверять ответ,
в окно поглядывать украдкой:
красавца мужа нет да нет...
Когда же город заоконный
туманом полночи сокрыт,
под храп отцовский пенсионный
она с богами говорит.
То, что ей кажется прекрасным,
цветущим в милой простоте,
представится однообразным
в редакционной суете.
И эта женщина, славянка,
грустя без славы и любви,
засядет утром спозаранку
переводить стихи твои.
Мой друг, увенчанный почетом,
забудь сегодня про почет
и жизнь отдай иным отсчетам,
и женщины пойми отсчет.
Пойми в пронзительной заботе
мятежной женщины житье —
чтобы воскреснуть в переводе
живым товарищем ее.

ЛЕНОЧКА

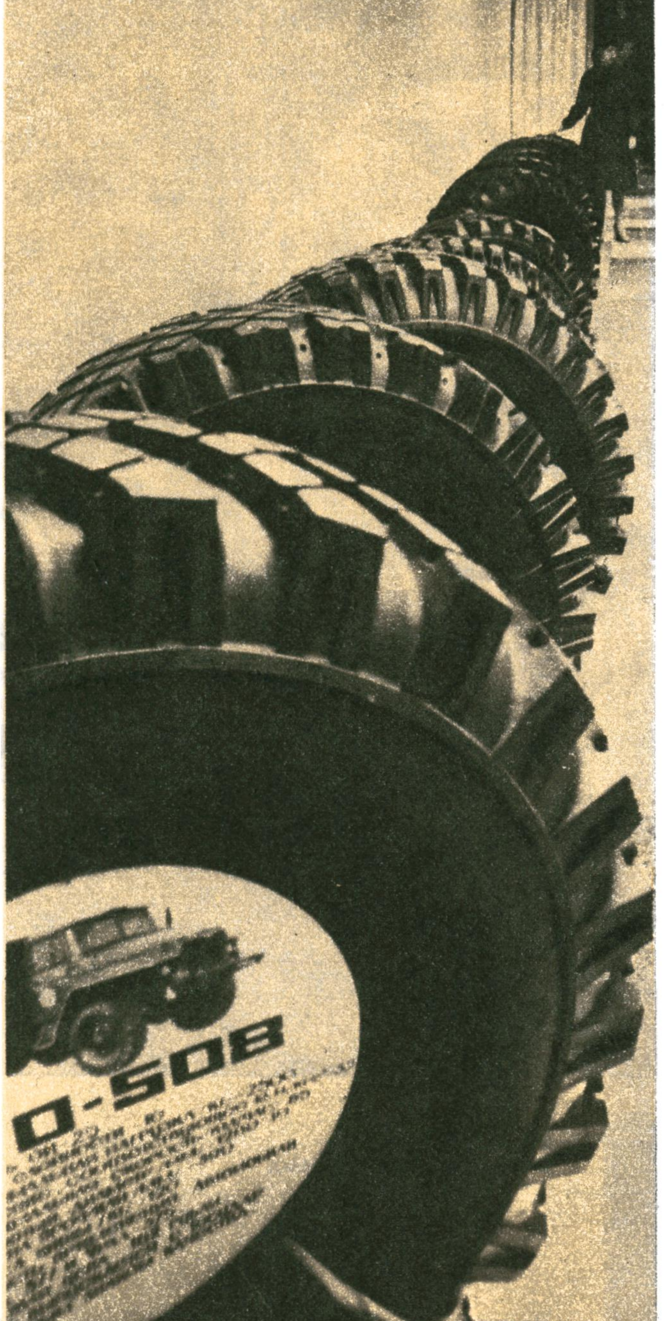
Девушки иного поколенья
в джинсах иностранного творенья,
я смотрю на вас без умиленья,
но я зорко всматриваюсь в вас,
но я всматриваюсь в вас любовно,
и я воскрешаю, безусловно,
то, что неподвластно силе глаз.
Девушки годов послевоенных
выросли среди огня, руин...
Жарко кровь у них клокочет в венах...
На десятерых — жених один.
Судьбы их... Кто знает, что есть горше!
Парни их легли в боях под Оршей
и среди неведомых долин...
Как хотел бы я в тебе увидеть
то,
что я любить и ненавидеть
в ясной юности своей привык!
Понимаешь — ведь с твоею мамой
шел я рядом, честный и упрямый,
в день,
который был еще преддверьем
будущих моих дорог и книг.
Лампа под зеленым абажуром,
вечер смотрит в окна оком хмурым...
Почему же с ней расстались мы?
Я — студент. Вернулся из Софии.
А в душе — надежды расписные.
Наши неокрепшие умы.
Леночка живет в Петрозаводске.
С Леночкой, невестою чужой,
я иду с оттаявшей душой,
голос ее ясный раздается,
снег от голоса ее блестит,
снег от голоса ее искрит...
Только,
как ни странно, мне сдается,
что на Петроградской стороне
я, парнишка, провожаюсь с самой
чистой и красивой...
Это — с мамой,
с мамою ее...
Все — как во сне.
Леночка!
Да будешь осиянна
ты среди морозного тумана.
Все, что с матерью твоей не сберегли,—
пониманье жизни, с волей, с верой,—
отпускаю ныне полной мерой
я тебе...
А матери твоей,
может быть, когда-нибудь воочию
я приснюсь тяжелой душной ночью —
молодой, лихой, в огне кудрей!

ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА ПОПОВО

Письмо из города Попово,
что меж Балкан цветет медово,
мне от супругов-старичков:
«...Мы прочитали в переводе,
что ваше детство шло в невзгоде
блокады, голода, снегов...
У нас цветут такие вишни,
как будто бы повел всевышний
от нас вишневые сады.
Вы приезжайте к нам на вишни,
мы думаем, вам не излишне
вкусить болгарские плоды...»
Вот фотография. На снимке
достопочтенные они.
А все ж они как невидимки,
не ведаю их жизни дни —
размыты годы, судьбы в дымке.
Но чувство странное такое
во мне возникло... Эти двое,
что с глянца на меня глядят,
в одеждах сельского покроя,
на фоне неба, горных гряд,
зовут меня в вишневый сад;
зовут меня не как седого
поэта, но как молодого
парнишку, что страдал и стыл,
что верил только в силу хлеба,
когда остался сам без сил...
Я слышу этот голос ближний:
«Вы приезжайте к нам на вишни...»
...А вдруг
блокадным пацаном
ворвусь в тот сад, остолбенею
и с горькой робостью своею
замру сиротски под окном.
Перешагну порожек низкий
и встретить буду снова рад
не чей-то я, а материнский,
уже почти забытый взгляд.

●

А мне оставило в наследство
мое трагическое детство
блокадных окон череду.
Стою перед своим парадным
и с каждою судьбой превратной
как будто разговор веду.
Вот в том окне жил друг мой Витя,
однажды он, за хлебом выйдя,
уж больше не вернулся в дом...
Мать у окна прождала долго...
В снегу холщовая кошелка...
Пацан с окровавленным лбом.
В окне левей — Васек и Котик...
По океану снега плотик
сначала младшего из них
тащил, спеленутого, к моргу...
Стою я под дождем, и мокну,
и вспоминаю их, живых.
Сквозь мелкий дождик спозаранку
мне б глянуть в окна наизнанку,
то есть из дома, изнутри,
чтоб в них, как в линзы телескопа,
жизнь не от суеты до гроба
увидеть,
а в лучах зари,
грядущее с его мирами,
с космическими городами,
вдруг вспыхнет звездный окоем.
И там другой мальчонка Витя
попросит вдруг: «Цветы, цветите!
Пылайте золотым огнем!»
Судьбой я выторговал право,
чтоб мне открылся нелукаво
в грядущем мир — не катаклизм...
И озираю честным оком
я из своих блокадных окон
все, что мне задолжала жизнь.

В 35 стран мира экспортируются шины из Омска.

Копилка для трех миллионов

Ю. РОМАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Есть в Омске микрорайон «40 лет Октября», и стоят там дома, построенные хозяйственным способом объединением «Омскшина». Немалую роль в их строительстве сыграли режим экономии, бережливость, вся деятельность многотысячного коллектива ордена Ленина объединения, признанного флагмана социалистического соревнования в отрасли.

...Впервые на Омском шинном заводе я был двадцать лет назад. Особенно запомнился цех вулканизации. Наполненный оглушительным шипением сжатого воздуха, он напоминал баню. В клубах пара орудовали ломиками мускулистые парни, вручную катали огромные шины. Из открытых настежь деревянных ворот цеха клубами катился холодный воздух, образуя в смеси с перегретым паром сплошной вязкий и вонючий туман.

В памяти остались длинные, низкие деревянные цеха, кирпичные постройки на территории завода только начинали появляться.

И вот я снова в цехе вулканизации. Сложным процессом «варки» автошин сейчас здесь управляют автоматы. Под потолком высокого и светлого цеха транспортер проносит покрышки, приготовленные к вулканизации. У кнопочного пульта машины — ветеран Павел Ильич Зажогин. Он был среди тех, кто в ту далекую пору управлялся с автошинами, собирая их с помощью ломика.

Я попытался пройти по заводу самостоятельно, как двадцать лет назад, но вскоре от этой затеи отказался, заблудившись в улицах и переулках, образованных новыми корпусами. Первое впечатление от завода — непрерывное строительство, постоянная реконструкция. Давно ушли в небытие деревянные бараки, в которых располагался велоцех, участки сборки покрышек. Громады светло-серых корпусов заслонили полнеба, а пространства между цехами превратились в цветущие аллеи. На предприятии практически не осталось тяжелого ручного труда. Но в цехах, в конструкторских бюро не прекращается работа по выявлению новых резервов экономии и увеличения выпуска шин.

В 1985 году здесь намечено получить миллион рублей сверхплановой прибыли. За девять месяцев сэкономлено около двух тысяч тонн каучука, тысячи квадратных метров текстиля и корда, миллионы киловатт электроэнергии, около 10 тысяч гигакалорий тепла...

После путешествия по цехам я пришел к генеральному директору объединения, Герою Социалистического Труда Петру Васильевичу Будеркину.

Петр Васильевич показывает мне официальный отчет НИИ шинной промышленности, в котором приводятся сравнительные данные ходимости шин.

— Смотрите — КамАЗы, «обутые» в нашу резину, в среднем пробегают по 109 тысяч километров, а покрышки, собранные сборщиками-асами Зотовым, Галкиным, Шпехом, выдерживают даже 150—160 тысяч километров при норме 90 тысяч...

— Но ведь рецептура изготовления шин одинакова на всех заводах, что в Нижнекамске, что в Москве, что в Омске... Почему же омские шины в любых условиях, будь то в Заполярье или в субтропиках, пробегают расстояние в полтора раза больше, чем шины других заводов?

— Вы правы — рецептура на всех заводах одинакова, а результаты, то есть ходимость шин, разные. Это зависит от строгого соблюдения технологии. В создании автомобильной шины участвуют химики и металлурги, текстильщики и нефтяники. Значительную часть сырья нам поставляют предприятия родного города — объединение «Омскнефтеоргсинтез», заводы синтетического каучука, технического углерода. Многие новинки техники и технологии шинного производства разрабатывались и осваивались у нас впервые в стране. Заводские исследователи первыми в стране дали путевку в жизнь омскому каучуку, совместно с нефтяниками разработали и внедрили новые антистарители, названные в честь нашего города «Омск-1» и «Омск-7».

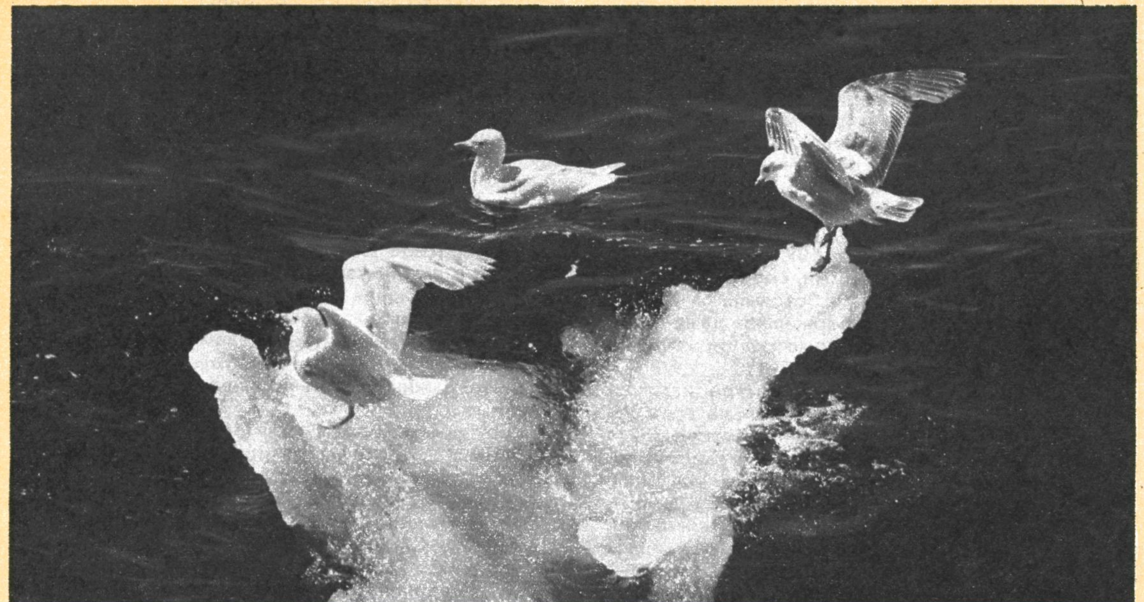
— Итак, разработана технология, учитывающая все самое современное в производстве шин, строго соблюдается рецептура...

— А на следующем этапе большую силу проявляет человеческий фактор — нужна дисциплина сборщика покрышек, вулканизаторщика. Допущенный ими брак исправить невозможно. Улучшения же, дающие копейки и граммы экономии при наших масштабах производства, приносят десятки и сотни тысяч рублей прибыли. Например, в бригаде Богданова родилась идея уменьшить калибр одной из прослоек резины всего на полмиллиметра. Технологи и конструкторы тщательно проверили и приняли новшество. Только одна операция обрезинивания корда, от которой зависит качество и экономичность будущей шины, дала экономию около ста тысяч рублей. Благодаря предложению рационализаторов Дзюбы и Шильниковой, каждая шина «похудела» на 16 граммов, но ведь в год мы выпускаем их миллионы. Экономия за счет снижения себестоимости продукции только в прошлом году превысила три миллиона рублей, а сверхплановой прибыли получено свыше семи миллионов. И тут огромную роль сыграл человеческий фактор. Недавно у нас в объединении социологи проводили анкетирование. На вопрос анкеты: «Что побуждает вас хорошо трудиться?» — 66 человек из ста ответили примерно в таком духе: «Ответственность перед коллективом и чувство личного достоинства». Все сто человек отметили заботу, которая проявляется у нас о рабочих и служащих. Переберите по годам жизнь любого из шинников, и окажется, что все лучшее и славное, чем человек гордится, связано с его трудовой семьей, членом которой он стал, переступив порог заводской проходной. Квартира в благоустроенном доме, прекрасное общежитие, детский сад и ясли, музыкальная и общеобразовательная школы, спортивный комплекс, больница, кафе — все это мы считаем цехами нашего объединения, и притом не менее важными, чем производственные...

Высок престиж продукции объединения «Омскшина». Его продукция отправляется в пять тысяч адресов. Особое место занимают поставки в районы Дальнего Востока и Крайнего Севера. Там приобрели популярность морозостойкие шины, выдерживающие шестидесятиградусные морозы. Омские шины «бегают» по дорогам Анголы и Вьетнама, Индонезии и Марокко, Кубы и Ливии, Перу и ФРГ, экспортируются в 35 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Продажа шин в страны СЭВ увеличилась за последние три года в четыре раза. За десять лет не было ни одного случая срыва поставок.

...Прощаясь с Омском, я еще раз проехал по микрорайону «40 лет Октября» и Комсомольскому городку, где большинство домов, детских садов и школ стали своеобразными «копилками», куда коллектив шинников вкладывает средства из фондов предприятия.

Урок музыки.
Фото А. Бурьбо. Белгород.

На старте.
Фото Ю. Луганского. Владивосток.

Крылатый рыбинспектор.
Фото В. Ссорина. Ярославль.

Тундра зимой.
Фото Б. Давыдова. Казань.

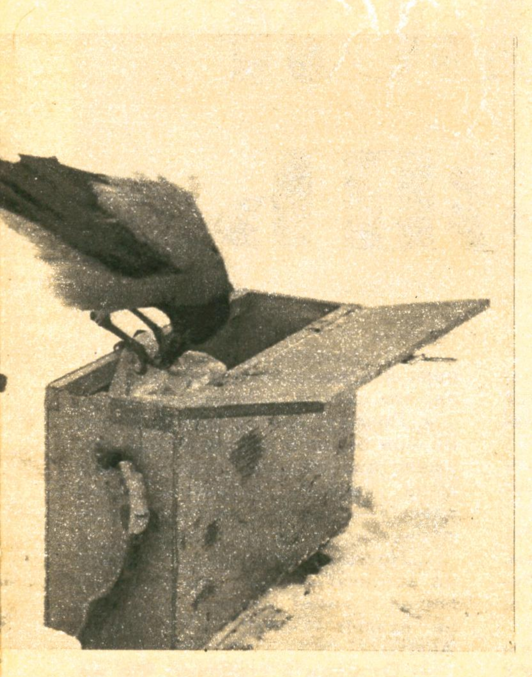

Человек и природа. Фото Б. Максимова. Пермь.

Прыжок. Фото Б. Максимова. Пермь.

Латышка. Фото В. Кузнецова. Рига.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Н. ПАВЛОВ

ВЕРНУТЬСЯ В ЖИЗНЬ

●

Нашел Виктор меня неожиданно и явился как снег на голову.

К тому времени я уже все пропил, что получил как придачу при обмене квартиры. Да, к тому времени я уже поменялся. В старой жить не мог. И память о прошлом стискивала мне душу. И не нужна мне одному отдельная двухкомнатная квартира. И местная милиция стала присматриваться ко мне слишком пристально. Вот я и решил поменяться, чтобы сразу убить нескольких зайцев. И немалую роль в этом обмене играли деньги.

Но к тому времени, когда появился Виктор, их уже не было. Жил я в другом конце Москвы, в большой коммунальной квартире, где мне принадлежала четырнадцатиметровая комнатка. Работал я в то время пожарником в одном театре. Застал меня Виктор в постели с высокой температурой — воспаление легких. И не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не он.

Виктор ухаживал за мной целую неделю, ходил в магазин и варил супы, бегал за свои деньги в аптеку.

— Вот что, друг,— сказал он мне как-то, когда я уже окреп настолько, чтобы ходить по квартире.— Есть у меня работа, поручили мне в одном НИИ. Надо рассчитать и сделать анализ. Один, как ты знаешь, я не справлюсь. Помоги. Работа месяца на два. Деньги поделим пополам.

Это было так тогда для меня далеко и вместе с тем приятно и неожиданно, что я согласился, не раздумывая. А когда Виктор сказал, что расчеты нужно вести по сварке трением различных материалов, у меня от радости сжалось сердце.

— Давай выпьем на радостях,— предложил я.

— О выпивке не беспокойся. Это за мной. Но больше четвертинки в день давать не буду.

Работа оказалась настолько интересной, что я позабыл обо всем на свете. Вот когда пожалел, что поменял квартиру. В моей комнате не хватало места для книг, которые Виктор приносил пачками, для справочников, логарифмических линеек и арифмометров.

Вскоре потребовался чертежный стол. И, сдвинув обеденный, мы приспособили чертежный у окна. На старых, давно не меняемых обоях появились белые заплаты, стены украсились ватманами, на которых под четкой рукой Виктора возникали блестяще вычерченные планы и диаграммы. Он был самокритичен, когда говорил, что считать и аналитически мыслить не умеет. Но надо отдать ему должное: никто на курсе не чертил так, как он.

Ночь у меня перемешалась с днем. Я забросил даже выпивку, а если и наливал рюмочку-другую, то после многих часов работы, для бодрости.

Виктор пропадал на три-четыре дня, потом появлялся радостный и возбужденный, с кульками и закусками, с сообщениями о том, что руководство очень довольно ходом работ, и выкладывал на стол полученные авансы.

Денег, правда, было негусто, но хватало нам свести концы с концами. И ведь это были только авансы. Да и не в деньгах тогда было дело. Работа почковалась, давала ответвления в сторону, будила интересные мысли, толкала к новым проблемам.

Так прошла почти вся зима. Более четырех с половиной месяцев я работал, не поднимая головы. А когда все было готово, Виктор, забрав все свои книги, пропал так же неожиданно, как и появился.

Его не было неделю, две, месяц. В конце мая я вдруг получил от него перевод на двести рублей откуда-то из Сибири. Он писал, что вернется через год и объяснит все.

А я был обескуражен. У меня было такое впечатление, что из меня, как из детского шарика, выпустили воздух, и все, чем я был наполнен это время, куда-то улетучилось.

Наверное, не признаваясь даже самому себе, я на что-то надеялся в тот период. По ночам, когда Виктора не было, я ложился усталый на минуту отдохнуть, и ко мне приходили неясные мысли: «А ведь еще могу что-то». Мне чудилось: все, что со мной происходило в эти долгие годы, было лишь страшным сном, что завтра, как обычно, приду на работу хорошим, чуть «заводным» парнем...

Я просыпался, вновь садился за расчеты, а мысли, пришедшие во сне, еще долго не уходили из головы: «А может, еще не поздно? Может, еще что-то вернем?» Это, наверное, и манило какой-то неясной, смутной и безотчетной, но все же надеждой.

Неожиданный и непонятный отъезд Виктора разрушил все сразу. Я очутился в положении человека, из-под которого резко выдернули стул.

Кончились деньги. Желудок предъявлял свои требования, и я обрадовался, когда узнал, что мое место пожарника в театре еще не занято. Снова потянулись унылые дни бездарной работы и пьянки в одиночку...

— Дальше неинтересно, профессор. Все было одиноко и мерзко.

— А что же Анюта? Разве за эти годы вы ни разу ее не встретили? И она ничем не напомнила о себе? Ребенком вы не интересовались?

— К сожалению, нет.

Это «к сожалению» относится к ребенку. Как много я ни пил, все же понимал, что одного интереса к ребенку мало. Ведь я не платил ему деньги. Да с меня их и не требовали. А если бы и платил, разве это все, что должен дать отец сыну, чтобы считать себя отцом? А что я мог ему дать? Чем помочь, какое доброе чувство вызвать к себе?

Видел я таких отцов, которые с пьяной сопливостью лезут к своим детям, называют их сынками и дочками, не имея на это никакого права. И только брезгливость они вызывают у детей, отвращение, а потом и ненависть.

Пока была жива мать, она часто бывала в доме Анюты. И я знал, как живет сын. А Анюта знала, конечно, как живу я.

Не был я в суде (она подала на развод) и даже не получал извещение, что мы разведены. Зачем мне это?

А случайно я встретился с Анютой всего только раз. Совсем недавно. Незадолго до поступления сюда, в больницу. Но уж лучше бы мне не видеть ее никогда. Эта встреча добила меня...

* * *

...Однажды, придя с работы, я обнаружил у себя в комнате подсунутый под дверь конверт. Почерк был незнакомый. Письмо дружеское и короткое:

«Дорогой Николай!

Не забыл ли ты, друже, что исполняется в этом году 10-летие нашей самостоятельной, послеинститутской жизни?

Так по этому поводу «поднимем бокалы, содвинем их разом!».

Мы решили отпраздновать эту славную дату и не только приглашаем тебя, но и вручаем тебе рог тамады, как бывшему старосте нашего курса.

А месту быть нашей встречи у «чертова колеса» в Парке культуры 1 августа в 18.00.

Мы отошли от традиции собираться в таких случаях только тем, кто совместно учился. С нами будут наши жены и матери, невесты и подруги, мужья и отцы.

Ждем тебя обязательно. Тебя и твоих близких. Сбор по пятерке с носа в адрес инициативной группы».

Сначала я не обратил внимания на это приглашение. Но ночью проснулся, перечитал еще раз и глубоко задумался. Конечно, я не мог пойти. Но чем ближе подходила дата, тем все большее волнение охватывало меня. Очень уж мне хотелось посмотреть на ребят, с которыми проучился пять лет, узнать, «кто есть кто» теперь, взглянуть на них хотя бы одним глазом.

1 августа был воскресный день. Мне не сиделось дома, и уже с утра я отправился в Парк культуры. Я не собирался встречаться с однокашниками и махнул рукой и на свой мятый костюм, и небритую физиономию.

Слонялся по парку целый день, и волнение мое все возрастало. Чтобы успокоиться, я уже не раз приложился к «успокоительному средству».

В пять часов я прочно уселся на закрытой нависающими ветвями лавочке и приготовился наблюдать. Мне отсюда было видно хорошо: и часы на будке «чертова колеса», и само место встречи. К моему счастью, колесо испортилось, площадка была пустынной.

Они подходили и по одному, и сразу группами, по нескольку человек. Еще издалека открывались объятия, сыпались шутки. Я узнавал своих однокашников, их постаревших матерей и отцов, видел, как они знакомили друг с другом своих жен и мужей. Я узнавал их и не узнавал. Все они были изменившиеся, все были разные. Но одно у них было общее: радость, не сходившая с лиц.

Когда стрелки часов подходили к семи и было ясно, что уже больше никто не подойдет, большая процессия тронулась вдоль набережной к «Поплавку».

Я вышел из своего укрытия, обошел всю площадку, сел на одну из маленьких лавочек-ожидалочек, повыше подняв воротник пиджака. Чуть накрапывал дождь.

— Они уже ушли?

Этот вопрос, неожиданно ворвавшийся в мои горькие рассуждения, подбросил меня, как пружина. Мы оба растерялись, покраснели и первые мгновения не знали, что сказать друг другу.

«...Почему Анюта здесь? Зачем ей мои бывшие однокашники? Неужели она пришла сюда как моя жена, надеясь встретить меня здесь?» — все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове.

«...Неужели ты решился прийти на встречу? Почему же тогда не пошел с ними? Может, они тебя не взяли?» — читал я в глазах Анюты.

— Отойдем в сторонку. Что же мы здесь, на ветру и дожде? — первой нарушила молчание Анна.

Я как-то инстинктивно направился к лавочке, на которой до этого прятался. Мы сели и снова долго молчали.

Она еще больше похорошела. Наверное, только вернулась из отпуска. Короткая юбка давала возможность видеть стройные загорелые ноги. Чуть пополнела. Но это не портило ее, а, наоборот, придавало больше женственности.

Анна разглядывала меня в упор, не стесняясь. И кроме человеческой жалости, в ее глазах ничего не было.

Окончание. См. №№ 48, 49.

— Ну, о чем же мне тебя спросить? — вновь прервала она первой затянувшееся молчание.— И так все вижу. А ведь я тебя ждала. Ждала, что позовешь. Долго... До-о-олго...

И по тому, как она это сказала, я понял: больше не ждет!

— А почему ты здесь? Ты ведь не кончала наш институт. И не ждешь меня. Что же тебе нужно на встрече наших выпускников?

— Мы поженились с Виктором Пильгуевым полтора года тому назад. Разве ты не знал?

— Что-о? С Виктором? А где он сам?

— Он внедряет свою диссертацию в производство на одном из сибирских заводов. Я писала ему о встрече ваших выпускников. Прислал ребятам телеграмму. Просил передать. Вот я и принесла.

— Виктор? Диссертацию? Ты шутишь. У него куриные мозги. Он в лучшем случае просто чертежник...

— Тебе больно? Я все понимаю... Но не будь злым. Его диссертация по сварке разнородных металлов трением...

Наверное, я так изменился в лице, что Анна оборвала фразу на полуслове, невольно потянулась ко мне.

— Что с тобой?

— А когда он защитил диссертацию? — еле выдавил я.

— В начале лета. Она произвела огромное впечатление. Его чуть ли не с защиты увезли на завод для промышленного внедрения...

Теперь я понял все до конца. Боль перехватила дыхание. Все то немногое хорошее и честное, что еще оставалось во мне, было оплевано и раздавлено этим грязным предательством. Даже среди нас, пьяниц, такая неприкрытая подлость редко случалась.

Я на мгновение представил себе, как по ночам, в постели, после супружеских поцелуев, они обсуждали, как обманывать меня дальше. Виктор считал рубли, которые нужно было заплатить мне, а она советовала, что купить из еды, в каком магазине удобнее по пути покупать водку.

Сердце болело.

— Будьте же вы прокляты. Подлецы!

Превозмогая боль, я встал и зашатался. Анюта смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и я видел в них ужас.

— Будьте вы прокляты оба. Предатели. Воры!

Не оборачиваясь, я ушел под дождь. У меня мутилось в голове. Я бродил по парку, как помешанный. Слезы текли по лицу и мешались с каплями дождя. Так прошло несколько часов.

Кончились вечерние представления, и парк наполнился гуляющей толпой. И вдруг мне стало страшно. Страшно быть одному в этой гудящей массе людей, куда-то стремящихся, медленно, но неумолимо и верно проходящих и не замечающих меня, будто я и не существую, будто я уже превратился в тень.

Не знаю, что меня толкнуло, но вдруг я остановился и громко крикнул:

— А я еще жив!

Люди шарахнулись от меня, образовав полукруг. Испуганный вначале шепот вскоре перешел в хохот. И, чтобы перекричать его, я крикнул еще громче:

— Не смейтесь! Я еще жив!

— Успокойтесь. Вы живы. Пойдемте отсюда! — Кто-то полуобнял меня и вывел из круга.

Как плевок в спину, услышал:

— Пьянчуга. Набрался до чертиков.

— Нет,— повернулся я.— Не напился...

— Нет-нет. Не напился,— соглашался со мной голос рядом идущего.— Присядем, отдохнем, Николай Демьянович.

Только сейчас я увидел мужчину, который вел меня под руку. Час от часу не легче: это был Юрий Давыдович — мой шеф из научно-исследовательского института, тот самый, который так робко и неумело спрашивал меня о моих выпивках.

— Сейчас мы поедем ко мне, Николай Демьянович. Не возражайте. Я один. Все на даче.

У меня не было сил сопротивляться. Но взгляд был, наверное, настолько выразительный, что Юрий Давыдович понял и без слов.

— Все, что нам нужно, в доме есть. Вставайте!

Дальше все было отрывчато. Мы сидели в домашнем кабинете Юрия Давыдовича. Удивительно, но мы ни о чем не разговаривали. Я молча пил. Он так же молча что-то читал. Он только предупредил меня, что уйдет рано, что в доме есть все необходимое, чтобы поесть и выпить, что он запрет меня и придет поздно-поздно ночью.

Помню, я просыпался только для того, чтобы выпить очередной стакан коньяка.

...А дальше вам известно, Александр Шалвович. На следующую ночь я оказался здесь, в больнице. Как сумел это сделать Юрий Давыдович, вам лучше знать.

* * *

...Мы долго молчали, сидя друг против друга. Профессор рисовал чертиков в своем блокноте, о чем-то думал и только изредка бросал на меня сердитые и вместе с тем какие-то любопытные взгляды. Мне казалось, что он дает мне время отдохнуть. Нутром я чувствовал, что он готовит какой-то каверзный вопрос. Но я уже устал, не хотел ни о чем больше рассказывать. Я ждал приговора и поэтому, опередив профессора, спросил прямо в лоб:

— Я рассказал все честно и до конца. Вы видели, порой мне было нелегко. Но я был честен и не утаил ничего. Теперь хочу спросить я. И прошу вас ответить так же честно. Излечим ли алкоголизм в той стадии, в какой он у меня?

— Прямо и откровенно: нет!

— Так зачем же вы тогда таких, как я, лечите?

— Для того, чтобы вылечить!

— От чего вылечить? От неизлечимой болезни? И почему такая запутанность и обман? Ведь я сам видел плакаты, выпущенные Министерством здравоохранения. На них огромными буквами через весь плакат: «Алкоголизм излечим!»...

— Правильные плакаты.

— Ничего не пойму.

— Поймете, если внимательно послушаете. И не только поймете, но и согласитесь.

Александр Шалвович пододвинул мне сигареты поближе, щелкнул зажигалкой, с наслаждением закурил сам.

— Что же, давайте уж откровенность за откровенность. Я слушал вас очень внимательно. И вспоминал себя... Когда-нибудь мы поговорим на эту тему подробнее, а сейчас поверьте мне на слово, что было время, когда я пил почти так же, как и вы...

Меня покоробило. Очень уж неприятно было слышать такие слова от профессора. Я хотел было возразить, но, заметив мое движение, Александр Шалвович резко меня остановил:

— Помолчите! Вы хотите сказать, что не умно. Дешевый трюк. Согласен. Но прошу вас подумать: кто вы такой, чтобы я ради вас шел на какую-то гнусную ложь, прибегал к дешевым приемам, дискредитируя самого себя... Вот то-то! Думаю, у вас хватит ума понять, что я с вами не шучу, а веду такой же откровенный и доверительный разговор, как вы со мной. И еще добавлю: не каждому признаюсь. И сделал это не случайно. Не проговорился. Я верю вам. Верю!

А мне на ум пришли разговорчики, ходившие об этом старике у нас в курилке.

Старые пациенты не раз говорили, что так тонко знать психологию пьющего человека, как знал ее Александр Шалвович, мог только...

Возникали догадки. Высказывались разные предположения, но всегда кто-нибудь кончал такие разговоры мыслью о том, что врач-психиатр и пьющий человек— понятия несовместимые, что просто он настоящий, высокой марки специалист, полностью познавший свой «объект».

Да и смешно было думать, что лечить от болезни может только тот, кто сам переболел этим недугом. Это было бы по крайней мере несерьезно. И все-таки непонятна была такая откровенность с его стороны.

— Вы сначала послушайте,— прервал мои мысли Александр Шалвович.— Время подумать и осмыслить у вас будет. Я сейчас не буду начинать с азов, говорить о начале болезни. Все это вам известно по своему опыту. Итак, берем уже сформировавшегося хронического алкоголика — медицина считает хроником того, кто уже не может не опохмелиться после выпивки. Излечим ли алкоголизм в этой стадии? Я говорю — нет! И я говорю — да! И более того, вы излечитесь от алкоголизма только в том случае, если твердо и навсегда поймете, что алкоголизм неизлечим!

— Парадокс! — вырвалось у меня.— Вы не оставляете ни одного шанса на надежду, на спасение.

— Если вы думаете так, то вы либо глупее, чем я предполагал, и мне остается только пожалеть о своей откровенности, либо ваша болезнь зашла дальше, чем мне это показалось вначале.

Да, неизлечим,— как эхо подхватил профессор.— Но не думаете ли вы, что излечим туберкулез, если в такой же стадии запущенности больной начнет греться на жарком солнце, купаться по ночам в студеной воде, ходить по росным туманам за грибами и бегать кроссы по пересеченной местности? Ведь вы понимаете, что такой человек погибнет?

— Конечно, погибнет!

— Погибнет и просто больной обычным гриппом, если он во время болезни будет с «моржами» окунаться в ледяную воду, пить студеное пиво после парной. Верно?

— Верно.

— Хоть это вы понимаете! А представьте себе больного язвенной болезнью. Давайте предложим ему острый рацион с утра до вечера. Утром селедку. Днем харчо и шашлык под острым соусом. Вечером маринад на крепком уксусе. Это же смерть!

— Понятно!

— А почему же вам непонятно, что алкоголику — человеку, больному психическим расстройством,— совершенно нельзя прикасаться к спиртному? А вы пьете с утра до вечера и спрашиваете: «Излечим ли алкоголизм?» Нет! Неизлечим! Я отвечаю вам прямо в глаза. Но если неизлечим ваш алкоголизм, то излечима пока ваша психика. Вы сколько времени уже здесь, в больнице?

— Около трех месяцев.

— И все три месяца с утра до вечера лечили вашу психику. Всеми средствами, имеющимися в распоряжении современной медицины. Всеми силами восстанавливали ваш разум. И сейчас я обращаюсь к нему, к вашему разуму. К самому ценному в человеке, великому дару природы. Мы с вами начинаем жить заново, Николай Демьянович. Я хочу, чтобы ваш разум точно определил, что вы можете делать и что нет. А делать вы можете все. Вас природа наградила великолепными качествами, вам общество предоставило огромные возможности развить природные данные. Вы действительно счастливы, как редко кто другой.

...В конце четвертого месяца моего пребывания в лечебном отделении, днем, когда я был на работе (сколачивал ящики), ко мне подошел дежурный и сказал, что меня просят зайти в отделение,— там меня ждет посетитель.

Я отмахнулся, как от неуместной шутки. Во-первых, был не день посещений. А во-вторых, никто ко мне прийти не мог. Ни один человек не знал, где я нахожусь, да и не было у меня такого человека, который пожелал бы заглянуть ко мне.

Однако через десять минут посыльный вернулся и сказал, чтобы я немедленно по распоряжению Александра Шалвовича явился в его кабинет. Были у нас случаи, когда вот таким неожиданным образом в отделении появлялись представители милиции и одного из нас увозили в следственный изолятор.

За мной никаких грехов вроде не числилось, но шел я на встречу с этим «посетителем» в большой тревоге.

Есть такое не очень красивое, но емкое русское слово — обалдеть. Со стула встал и протянул мне руку такой же робкий и застенчивый, как и прежде, мой бывший шеф по научно-исследовательскому институту — Юрий Давыдович, тот самый, который подобрал меня в начале белой горячки в Парке культуры.

— Это я,— как-то неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал он.— Вот... Пришел.

— А это я,— не найдя ничего другого, откликнулся я.— Тоже вот пришел.

Помолчали. Я просто не знал, о чем говорить, с чего начать.

— Я вот тут кое-что принес вам,— выталкивая ногой из-под стола чемодан, которого я раньше и не заметил, начал Юрий Давыдович.—Здесь все, что нужно муж-

чине для первого раза, чтобы одеться. Белье, рубашка, носки, костюм... Костюм, скажу вам, хороший,— неожиданно похвалился шеф,— а пальтишко так себе, демисезонное. Шапку не достал. Кепка там лежит. Но выйдете отсюда как положено. Не хуже других.

Алкоголики плачут часто. Истерично. Слюняво. Я плакал, как мой отец перед уходом на фронт. Тяжело и горько. Не я плакал. Душа плакала.

— А чего это вы, собственно говоря, расстраиваетесь? — донесся до меня голос Юрия Давыдовича.— Я не меценат и не благодетель. Все это я вам даю взаймы. Там и бирочки с ценой на каждой вещи приклеены. Заработаете— отдадите. Все вам подойдет впору. Я размеры вашей фигуры наизусть знаю, ведь мы с Александром Шалвовичем скоро уж тридцать лет как знакомы.

— Значит, вы давно знали, что я здесь?

— Знал? Что значит знал, если я вас и «упек» сюда.

За линзами с сильной диоптрией чуть хитровато поблескивали глаза.

— Ну, так пришли бы хоть раз. Знаете, здесь одному-то...

— А вот и не велел. Я хотел было. Но запретил наглухо.

— Александр Шалвович?

— Он самый. Пусть, говорит, в своем собственном алкогольном соку поварится. Скорее он из него испарится. Под давлением-то.

— Долго вам придется ждать, пока я расплачусь с вами.

— А я в суд подам, если долги платить не будете. Наложим арест на зарплату.

— Откуда у меня зарплата? Ее еще искать да искать.

— Э, нет! У нас это так не делается. Если даем взаймы, то под определенное обеспечение,— совсем расплылся в улыбке Юрий Давыдович.— Со следующей недели и зарплату получать будете. Приглядел я вам одну работенку. Не очень доходная, но жить можно.

— Это что же? Это где же?

— А все там же. В моем отделе. На старой должности. Начнете сначала. Это уж на себя пеняйте. Поручился головой перед директором института. А Александр Шалвович поручился официально: на бланке с печатью. Есть и еще один поручитель...

Так вот было в тот памятный на всю мою жизнь день.

А еще через некоторое время за мной мягко и неслышно, автоматически, как в метро, закрылись двери тюрьмы.

Встречали меня двое: Юрий Давыдович с машиной и... Анюта с огромным букетом цветов.

— А вот и ваш третий поручитель,— сглаживая неловкость, начал было шеф. Но я оборвал его жестко:

— А вот в третьем-то я и не нуждаюсь. И видеть не хочу.

— Зато я хочу,— совсем не обиделась Анюта.— Садись скорее. Видишь, я совсем замерзла.

Только тогда я заметил, что она в одних туфельках, в тонких чулках. Шубка распахнулась, мелькнула цепочка на шее в широком отвороте белой кофточки. Анюта была, как мы говорили, «при наряде».

— К Николаю Демьяновичу мы поедем,— как хозяйка обратилась она к Юрию Давыдовичу.— На Люсиновскую.

Наверное, у каждого в судьбе бывают моменты настолько неожиданные, что кажется ему, будто происходит все это во сне. Ведь жизнь такая мастерица закручивать необычные сюжеты, такие головоломки, что не решить сразу, не отгадать. Странным мне казалось поведение Анюты, но не знал я в тот день очень и очень многого, не знал, что судьба ее ломалась круче, чем моя, и с более тяжелыми последствиями. Мы, мужчины, говорим, что у женщин своя логика. Особая. А она и есть особая. Не давала Анюте покоя наша последняя встреча, там, у «чертова колеса» в Парке культуры. И не жалость ко мне, не обида сказанного, а вот сам непонятный смысл моего крика: «Предатели. Подлецы. Воры». «...Почему воры?» — будил ее по ночам вопрос. И днем, зачастую в самой будничной обстановке, вдруг как наяву слышала она мои слова: «Будьте вы прокляты оба. Предатели. Воры...»

Она любила меня раньше, знала хорошо и понимала, что в своем состоянии мог и ругнуться некрасиво, может, даже и ударить. Но при чем здесь воровство?! И почему это слово относится к ним обоим сразу — к ней и к Виктору: «ВОРЫ»?

Эта мысль привязалась к ней, стала преследовать. И с чисто женской логикой она решила выяснить причину, почему я так их назвал. Может, сначала и просто из бабьего любопытства. Но потом все тревожнее становилось у нее на душе. Ведь она знала, что я раньше Виктора начал заниматься сваркой трением. Знала, что и его диссертация посвящена этой теме.

Шли дни, складывались в недели. А мысли все больше завязывались в тугой узел: «Воры, воры, воры!»

Она решила разыскать меня, вернуться к этому разговору. Адрес москвича узнать в справочной нетрудно. И однажды она появилась в нашей коммуналке, где была моя комнатушка. Встретила ее Ольга Степановна, старушка пенсионерка, единственный человек, не ненавидевший меня там. Это она в мои совсем голодные и запойные дни приносила мне тарелку бульона, приготовленного из супового набора, да кружку сладкого кипятку.

Женщины разговорились. Комната моя испокон веку не запиралась, и там среди свернутых и брошенных запыленных чертежей, среди моих набросков, записей и расчетов просидели они до полуночи.

Узнала Анюта и о Викторе, о его подачках мне. И о нашей работе. И поняла: я считал ее вдохновителем этой идеи, хозяйкой провиантского снабжения, которое приносил Виктор в мой дом. И поняла, почему: «Воры, воры, воры!»...

А на следующий день послала Виктору телеграмму: «Не приезжай. Решение бесповоротно».

Обо всем этом я не знал, сидя в машине Юрия Давыдовича, сторонясь и Анюты, и ее букета.

Не знал я, что она разведенная и свободная женщина. Не знал и более важного и страшного — что она уже не мать, а я не отец нашего сына Володи. Он умер два года назад в интернате для детей-идиотов. Пока я пил, трагедия раскручивалась с необычайной быстротой. Ведь я помнил его двухлетним, веселым, любознательным и сообразительным малышом. А в три года к нему, безвинному, вернулся бумеранг моего пьянства и поразил его неизлечимо. Он стал умственно деградировать с такой скоростью, что уже к четырем годам его забрали в интернат для дебилов. И физически болезнь его уродовала жесточайше.

Умерли родители Анюты. Она металась одна в надежде как-то облегчить страдания сына, пока ей откровенно не сказали:

— Алкогольно-генетическая деградация. Неизлечима. Видимо, ваш супруг, а может быть, и вы были нетрезвы в момент зачатия ребенка.

Да, мы были нетрезвы в тот самый первый вечер, когда моя мать, премированная бесплатной путевкой в день выхода на пенсию, оставила нас одних.

Мы были молоды, мы любили друг друга и решили в тот вечер устроить нашу помолвку. Что вспоминать? У всех бывает первая брачная ночь. Была она и у нас. Я сильно опьянел тогда и все уговаривал Анюту выпить со мной еще и еще раз: и за нас, и за будущее наше счастье, и за нашего первенца...

Это теперь я знаю, что водка — самый точный в мире снайпер. Что она бьет без промаха. И если супруги в момент зачатия ребенка пьяны, то попадание сто из ста. Может, не сразу от рождения, может быть, потом, со временем, но бумеранг родительского пьянства вернется к ребенку и поразит его.

Это теперь я знаю, почему по старой нашей русской традиции на свадьбах разрешалось пить всем, кроме молодоженов. Чтобы не зачали они урода-инвалида в свою первую брачную ночь.

Если бы знали мы это в старших классах, когда изучали анатомию человека — пусть в девятом или десятом,— сколько судеб не было бы изуродовано, сколько детей не родилось бы дебилами!

...После посещения моей квартиры Анюта искала меня. И в больницах, и в моргах. И на стройке, где я когда-то работал, и в той организации, которая так часто посылала меня в командировки. И наконец, решила позвонить Юрию Давыдовичу, спросить — может, знает кто обо мне из бывших моих однокашников по институту. Так вот они и встретились за два месяца до моей выписки из больницы. Но Александр Шалвович наложил строгое «вето» — меня никто не должен был посещать.

Всего этого я не знал тогда, когда машина Юрия Давыдовича довезла нас до моего дома.

— Пойдем домой,— взяла меня крепко под руку Анюта.— Пойдем. Так нужно. Так велел Александр Шалвович!..

* * *

ОТ АВТОРА.

Как я живу сейчас? На этот вопрос однозначно не ответить. Я давно «остепенился»—имею в виду научные и должностные звания и степени. Руковожу большим отделом научных работников. Все здесь знают, что я лечился в свое время от алкоголизма, да я и сам не скрываю этого. И сбылись слова Александра Шалвовича, когда он пророчествовал: «Будут еще о тебе говорить, что волевой ты мужик, что стальной у тебя характер, что сильная ты личность».

Все это я слышал не раз. И не раз вспоминал слова старого профессора: «Люди — существа разумные. Вспоминают прошлое, но больше чтут настоящее».

А настоящее мое — это работа, дом, семья. Анюта родила еще двоих,— старшего мы назвали в честь первого сына, Володей. Ему скоро восемнадцать. Дочери Юле — четырнадцать.

И настоящее мое — это еще и твердая уверенность в том, что я хронический алкоголик. Пожизненно.

И поэтому нет-нет да и доставал я, особенно в первые годы после больницы, магнитофонную запись нашей последней беседы с Александром Шалвовичем, которую он подарил мне на прощание и где впервые говорил со мною на «ты». «Как с другом»,— объяснил он.

«...Вот мы и расстаемся,— звучал тогда его голос.— Вылечил ли я тебя от алкоголизма? Конечно, нет. Но я тебя поставил в положение человека, который может уйти от него...

Знай и помни, что сам по себе пистолет — железка безобидная. Чтобы он выстрелил, его надо зарядить, взвести курок и нажать гашетку. И не забывай, что каждая налитая тобой рюмка — это взведенный курок. Каждый глоток — это выстрел».

* * *

...Шесть лет тому назад умер Александр Шалвович. Я ни разу не видел столько народу на похоронах. На кладбище нас было около тысячи. На лацкане пиджака у очень и очень многих был приколот маленький значок — небольшой квадратик абсолютно черного цвета, на котором яркими белыми буквами написано только одно слово: «НИКОГДА».

Александр Шалвович сам выдумал этот значок, сам где-то заказал его и вручал при выписке самым, по его мнению, надежным. Получил его и я. Тогда, в больнице, наши новички шутили: «Мы еще алкоголики, вы уже «никогдатики».

У нас не было общества трезвости. Но каждый год те, кто получил из его рук этот значок, приезжали в Измайловский парк 15 апреля — в день рождения профессора. И чтобы показаться ему. И чтобы поздравить его. Этот значок как бы роднил нас.

Так как же я живу теперь? С тех пор я не наливаю рюмку. Я не хочу взводить курок. Я не выпил ни глотка спиртного: ни водки, ни вина, ни пива. Я уверен, что каждый глоток — это выстрел. Первый — в Анюту, второй — в Володю, третий — в Юлию.

Я не подношу детонатор к той страшной мине, которая навечно сидит во мне. Ибо твердо уверен, что, если поднесу, она взорвется немедленно. Изуродует все и безжалостно сбросит меня в пропасть без дна.

Но я и не боюсь водки. Она не тянет меня и не зовет. Она забыла про меня, так же как и я забыл про нее. Она не нужна мне, так же как и я совсем не нужен ей.

Мы ходим с Анютой и на дни рождения, и на встречу Нового года, и принимаем гостей у себя.

Однако я не забываю, что водка сильнее меня. Что я ушел с поля боя побежденным. Побежденным, чтобы быть победителем.

Вот так я и живу. С глубокой болью перед первым сыном.

Ф. Антонов. Род. 1904. ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В КРАСНОМ. 1933.

Г. Шегаль. 1889—1956. КАЗАХИ ФАБЗАЙЧАТА. 1931.

Художественная выставка «Молодость Страны Советов».

Юрий **ВАНЬЯТ**

ФУТБОЛ-85: СЕЗОН РЕКОНСТРУКЦИЙ

Футбол существует не для тренеров, специалистов и игроков, а прежде всего для любителей спорта. Эту фразу я записал во время одной из встреч советских спортивных обозревателей с Мишелем Идальго — тренером национальной сборной Франции, одним из ведущих экспертов современного футбола. И, думается, мосье Идальго совершенно прав. Ибо настоящая игра в Футбол с большой буквы, то есть мастерская, классная игра, не может состояться без заинтересованной многотысячной аудитории.

В этом смысле закончившийся чемпионат страны во всех его трех лигах — высшей, первой и второй, в четырех выступлениях нашей национальной сборной в Лужниках в отборочных матчах предстоящего в Мексике чемпионата мира, в напряженных дуэлях квинтета советских команд в рамках трех континентальных клубных турниров показали огромную заинтересованность советских любителей футбола в этой удивительной игре, в победах и успехах как сборных команд страны различных рангов, так и отдельных клубов.

Минувший сезон прошел под знаком реконструкции. Организационной, кадровой и в определенном смысле чисто игровой, если иметь в виду переход «Спартака» на тактическую схему действий с пятью игроками середины поля при трех футболистах в тылу.

Эту схему быстро использовали по-своему еще несколько клубов, в том числе и новый (точнее, старый, если вспомнить, что это его 11-й титул) чемпион страны — киевское «Динамо», где В. В. Лабановский показал нам и возможность Заварова, и возможность Яремчука, к тому же блистательно отшлифовав «вариант Демьяненко» — защитника, забившего около десятка (!) голов, притом в ряде ключевых матчей.

Но поговорим сначала об организационной реконструкции...

В Европе, как известно, в национальных чемпионатах в высшей группе выступает от 12 до 22 клубов, но цифра 16 является, пожалуй, наиболее популярной. Была она и в нашей высшей лиге. Будет и в 1986 году.

Но для «хирургической операции» потребовалось не только автоматически вывести из лиги двух аутсайдеров (ими, как известно, оказались армейцы Ростова и воронежский «Факел»), но и лишить спокойной жизни клубы, оказавшиеся на 15-м и 16-м местах: им предстояло отстаивать право на игру в высшем футбольном обществе с двумя сильнейшими из первой лиги — рижской «Даугавой» и теперь уже не столь именитым ЦСКА.

А первая лига нынче и вовсе играла не по классической двухкруговой системе, а по сложной трехступенчатой. Сначала здесь были две зоны — восточная и западная. Затем, собравшись вместе, по шесть лучших клубов из каждой зоны на втором этапе определили дуэт соискателей путевок в высшую лигу. Нагрузка для игроков и тренеров была здесь весьма тяжелой.

Да и лучшие команды второй лиги (среди которых, кстати сказать, было много прежних участников турниров в высшем эшелоне, в том числе экс-чемпион страны «Заря» из Ворошиловграда) не просто получали право шагнуть в будущем сезоне наверх, а тоже боролись за это в трех переходных турнирах с неудачниками из первой лиги. Двум из них, «Ростсельмашу» и «Атлантасу» из Клайпеды, удалось потеснить бывших участников второго эшелона.

Вот ведь какие сложные «оргвопросы» решал в сезоне минувшем наш национальный чемпионат снизу доверху.

Теперь о реконструкции кадровой. Ровно треть клубов высшей лиги — тбилисское и московское «Динамо», «Арарат», «Жальгирис», «Нефтчи» и ростовский СКА — сменили тренеров. Но давнее мнение, что «выигрывают футболисты, а проигрывает тренер», далеко не всегда подтверждается жизнью. Скажем, на примере минувшего чемпионата, что только «Жальгирис» и в какой-то мере «Арарат» заметно улучшили свои позиции после смены наставников.

Между тем тренер — это профессия дальнего действия: за годва слаженную, сильную команду создать трудно.

Если говорить о реконструкции в составах команд, то и здесь произошло немало как объективных, так и субъективных перемен.

Ну, к примеру, появление в московском «Торпедо» Л. Буряка — этого элегантного, умного футболиста. Автозаводцы, занявшие в итоге 5-е место, с радостью приняли Леонида, который, по объяснениям тренеров киевского «Динамо», уже не смог вписаться в нынешний чемпионский ансамбль.

В середине сезона был «списан на берег» очень интересный и острый форвард московского «Динамо» В. Газзаев. «Спартак», как всегда, начал год, освободив большую группу футболистов, в частности защитника Б. Позднякова. «Арарат» заметно оздоровил моральный климат в коллективе, исключив из своих рядов за недостойное поведение Х. Оганесяна.

А кого мы практически впервые узнали в минувшем сезоне? Прежде всего очередного воспитанника закарпатского футбола, выступавшего совсем недавно во второй лиге, И. Яремчука, и украсившего теперь киевское «Динамо». В «Спартаке» Бесков по обыкновению рискнул, но в итоге не прогадал, представив на суд трибун игроков обороны Б. Кузнецова, Новикова, Шибаева и форварда Рудакова, который, впрочем, еще не стабилен в игре: после отличного старта, когда он подряд стал забивать голы, сник, хотя потенциальные возможности у воспитанника ярославского футбола немалые.

Привлек к себе зрителей нападающий Беланов в киевском «Динамо». В «Зените» всеобщее внимание обратил на себя Баранник с его неординарной манерой игры, в «Торпедо» появились братья Савичевы.

И здесь, думается, уместно привести слова великого педагога К. Д. Ушинского: «Ученик — не сосуд, который надо заполнить, а факел, который необходимо зажечь». В этом смысле роль тренера трудно переоценить, и тем приятнее, что ряд наших футбольных наставников, притом не только давно известных и именитых, в минувшем сезоне умело поработал и со своими воспитанниками.

Мы снова получили группу мастеров, на которых стал ходить зритель. Особо хотелось бы вспомнить лихое озорство Черенкова, острейшие кинжальные рейды Протасова, забившего «международную» норму голов (35), хитроумность и непредсказуемость действий верткого Заварова, абсолютную уверенность и логичность игры Демьяненко. А Дасаев с его двумя десятками «сухих» матчей на клубном и высшем уровне! А ведь многие его коллеги — Михайлов в Киеве, Жекю в Минске, Краковский в Днепропетровске, Елинскас в Донецке, ветераны Юркус в Вильнюсе, Габелия в Тбилиси, Чанов в Баку — тоже не раз получали щедрые аплодисменты десятков тысяч зрителей. В течение сезона в тяжелейших матчах с «Вердером» и «Реалом» неплохо проявил себя совсем еще юный Гришко из «Черноморца». И, увы, на этом фоне досадно констатировать спад в игре прошлогоднего лауреата «Огонька» зенитовца М. Бирюкова.

Теперь о нашем чемпионе. Острая, стабильная игра киевлян принесла им чемпионские медали и Кубок СССР. И этот рывок с прошлогоднего десятого места на вершину футбольного пика, конечно, не случаен.

Присущий Валерию Лобановскому фанатизм в работе команда восприняла полностью. Большая группа недавних дебютантов клуба — О. Кузнецов, Яковенко, Рац, Михайличенко, Яремчук — почувствовала себя уверенно и сумела раскрыть свои способности. Их активно поддержали ветераны: Балтача, Демьяненко, Бессонов, Баль, Евтушенко, Заваров. Ну, а корифей клуба, 33-летний Олег Блохин в минувшем сезоне довел счет голов, забитых им только в чемпионатах страны, до 205!

Первооснова успеха чемпиона — в фундаментальной атлетической подготовке, великолепном функциональном состоянии игроков на протяжении всего марафонского сезона, в высокой командной скорости футболистов.

Все это давние тренерские козыри Лобановский использовал

Чемпионы СССР — киевские динамовцы. **Фото А. Бочинина**

с похвальным упрямством, сумев в момент неизбежного игрового спада своей команды очень быстро ликвидировать его и подвести игроков к решающему этапу сезона.

«Спартак» снова, уже в который раз, надел «серебряные латы», оставаясь самой стабильной по турнирным достижениям командой этой футбольной пятилетки. Ни сезона без медалей! И это притом, что команда ежегодно значительно реконструируется. На мой взгляд, «Спартак» сейчас — самый технически подкованный клуб страны с обоймой таких виртуозов, как Черенков, Гаврилов, Шавло, Сочнов, Дасаев, Родионов.

Но при всем при том вот уже шесть лет «красно-белые» не могут стать чемпионами. Может быть, потому, что они, считая футбол искусством, забывают, что футбол — контактная, мужественная спортивная игра, требующая выносливости и атлетизма?

Думается, что «Спартак» проиграл первое место не только потому, что дважды во вторых таймах его начисто переиграли киевляне, но и потому, что команда умудрилась сделать шесть ничьих кряду!

Осенний бронзовый отблеск «Днепра» повторяется второй год. А перед этим у команды был чемпионский титул. Приятно, что мы получили еще одну команду, способную решать серьезные турнирные задачи не только в чемпионатах страны, но и на международной арене.

Таковы краткие размышления о лауреатах чемпионата-85. Рядом с пьедесталом оказалась хорошо отлаженная минская команда. Четверо ее воспитанников вместе с киевлянами, спартаковцами и днепропетровцами плюс многоопытный Чивадзе из Тбилиси и составляют ныне сборную СССР — финалиста мексиканского чемпионата мира-86.

Разговором о главной команде страны я и закончу этот обзор. Что и говорить, старт сборной в VI отборочной группе, где наших ребят мировая спортивная пресса считала фаворитами, ставя вторыми датчан, был и обескураживающим, и тревожным: зимовали с одним очком, замыкая таблицу, весной крупно проиграли (2:4) сборной Дании, у которой раньше всегда выигрывали.

После матча в Копенгагене перед сборной СССР встал вопрос, быть или не быть в числе 24 финалистов в Мексике.

К чести руководителей сборной, они самокритично, по-деловому отнеслись к массированной критике спортивной общественности и прессы. И мы снова увидели ее в составе таких асов, как Чивадзе и Блохин, в средней линии появились Черенков и Заваров, в обороне — несгибаемые Бубнов и Морозов. Ко двору пришелся и универсал Бессонов.

Команда на «отлично» сдала «осеннюю сессию», выиграв все три матча под ноль, и вместе с датчанами оправдала прошлогодние прогнозы многих экспертов, с той лишь разницей, что оказалась в подгруппе не первой, а второй, хотя в общем-то это в данной ситуации не столь уж и важно.

А вообще из 14 матчей в сезон, регистрируемых ФИФА, наша сборная выиграла 11 при ничьей и двух поражениях.

Общие контуры сезона настраивали на оптимистический лад, но под занавес болельщиков не могли не огорчить неудачи двух наших лучших команд — «Спартака» и «Днепра», ведущих борьбу за Кубок УЕФА. Серебряный и бронзовый призеры чемпионата на своих полях проиграли соперникам с одним и тем же счетом — 0:1. Правда, эти результаты промежуточные, и в следующих встречах положение может измениться, но неудачи, однако, говорят о том, что бить в литавры еще рано. Впереди решающая стадия борьбы за почетные европейские кубки, впереди чемпионат мира в Мехико.

РЕКОРД РИНАТА ДАСАЕВА

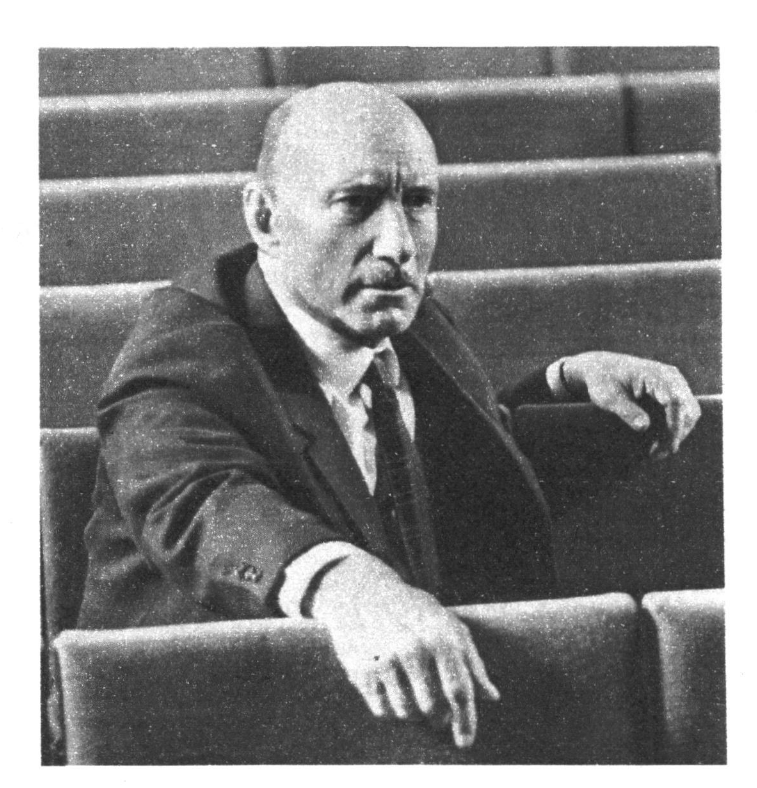

В четвертый раз Кубок «Огонька» лучшему вратарю сезона будет вручен Ринату Дасаеву — капитану «Спартака» и сборной команды СССР.

Приз «Огонька» разыгрывается с 1960 года. Трижды вручался он Л. Яшину, Е. Рудакову и Р. Дасаеву, и вот теперь наш замечательный вратарь установил своеобразный рекорд: в четвертый раз стал нашим лауреатом.

Четырехкратному обладателю Кубка Ринату Дасаеву — 28 лет. Он начинал свой путь в астраханской команде «Волгарь», а через два года пришел в «Спартак» и с тех пор верен этой команде. С 1978 года Дасаев прочно занял место в воротах «Спартака», а в следующем году был включен в состав сборной команды страны. Его вклад в успехи и «Спартака», и сборной очень весом. В нынешнем сезоне Дасаев стоял в воротах «Спартака» в чемпионате страны во всех 34 матчах и в 16 матчах не пропустил ни одного гола. Он защищал ворота сборной во всех ее выступлениях.

Редакция журнала «Огонек» горячо желает своему новому и «старому» лауреату и в следующем сезоне больших успехов во славу советского футбола.

**Татьяна ЛИОЗНОВА,
народная артистка СССР,
кинорежиссер**

В эти дни мы прощаемся с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым. Говоря о своем учителе, вспоминаю какие-то моменты, эпизоды, и, может быть, для кого-то они покажутся очень личностными, частными. А для меня в этом человеке дорого и важно все, каждая минута общения. Он был настоящим наставником, добрым, справедливым, честным. Спустя годы понимаю, что в своей педагогической деятельности он был не только прогрессивным мыслителем, но и практиком, осуществившим то, что сегодня обрело признание. Он разработал свою методику эстетического воспитания и учил нас, студентов ВГИКа, понимать живопись, поэзию, музыку, литературу. И не только понимать, но и знать искусство, чувствовать его. Он был требовательным учителем, мрачнел, когда видел нерадивость, яростно обрушивался на каждого, кто пытался увильнуть от задания, выполнить его формально. Как я благодарна его урокам, благодарна тому, что когда-то произошла моя встреча с Герасимовым...

Когда думаешь о том, каким был Герасимов, понимаешь, что он являл лучшие черты нашего времени. Как это несправедливо — говорить о Герасимове в прошедшем времени! Ведь он был полон замыслов, мечтал подготовить еще одну смену для советского кинематографа. Он был настоящим коммунистом и в абсолютной степени подтвердил это своей деятельностью, своим мировоззрением, картинами, уроками. И я верю, что последующие годы станут временем познания, постижения его таланта, открытия нового, неизведанного в его наследии. Еще при жизни Герасимов стал классиком советского искусства, но никогда не был застывшим монументом,— веселый, жизнерадостный, любящий быть полезным людям. Его главными уроками стали уроки нравственные, в самом высоком значении слова. И в профессии, и во взаимоотношениях с людьми, с учениками. Он искренне радовался успехам и переживал неудачи своих друзей, учеников, загорался идеями, спешил помочь. Именно спешил, а не ждал, когда к нему обратятся с просьбой. Он умел слушать и находить нужное слово.

Перед нами, его учениками, стоит чрезвычайно важная задача: сохранить наследие своего учителя, передать его последующим поколениям. Мы не имеем права забывать уроки Герасимова.

ЗИМНИЕ РОЗЫ ДЛЯ ТОТО

— Я давно хотел приехать в вашу страну,— говорит Тото Кутуньо.— Вы спрашиваете, что я знал о вас раньше и что изменилось в моем представлении теперь? Мой отец был военным моряком, человеком мужественным, прямым и с самого раннего детства приучал меня говорить только правду. Я отвечу искренне: я не знал почти ничего о вас. Для меня Россия всегда была чем-то очень далеким, холодным и чужим. Но в первый же вечер в Москве я встретился с нежностью и чуткостью. Немного неожиданной для меня была реакция зала на первые мои песни — хлопали, но никто не подхватывал, к чему я, честно говоря, привык, никто не вскакивал с мест и не танцевал в проходах, не кричал и не свистел... Мелькнула мысль: уж не провал ли это? А потом я понял: песни мои нравятся, просто боятся помешать...— Тото Кутуньо улыбается.— Мы выходили после концертов со стадиона и каждый вечер видели одну девушку. Она ничего не говорила — преподносила мне большой букет роз и безмолвно исчезала. Ни в одной стране такого у меня не было и, думаю, не будет.

Он очень естествен, этот высокий, плечистый человек сорока одного года, всегда собранный, сосредоточенный, задумчивый. Он никогда не работает на публику, всегда остается самим собой.

Советские любители эстрадной музыки познакомились и были покорены его талантом в позапрошлом году, когда песня «Итальянец» стала известна всему миру, прозвучав в авторском исполнении на фестивале в Сан-Ремо, где удостоилась Золотого диска Италии, Золотого диска Европы, Платинового диска Франции.

А произошло все почти случайно: песня предназначалась Адриано Челентано, для которого Кутуньо сочинил полтора десятка мелодий, начиная с «Соли» («Одни»), но Челентано сказал почему-то, что это для него слишком большая ответственность.

— Тогда я чуть не обиделся на Адриано,— говорит Кутуньо,— но теперь, конечно, смешно об этом говорить, мы дружим с ним...

Множество популярных мелодий принадлежит Тото Кутуньо. Его песни пели и поют, кроме Челентано, Мирей Матье, Далида, Джонни Холидей...

— Сочиняю музыку,— рассказывает Кутуньо,— сколько себя помню. Родился я в бедной семье. Зовут меня Сальваторе, но мама в детстве называла Тото, и я решил оставить себе это имя на всю жизнь. Отец играл на трубе и привил нам с братьями любовь к музыке. Я готовился стать бухгалтером, но по этой профессии никогда не работал. С братом Роберто и несколькими друзьями мы создали ансамбль «Тото и тати», ездили по Италии, играли на праздниках, в клубах, кабачках — всюду, где нам позволяли играть и немного платили за это. Приехав в Милан, где находятся крупные студии звукозаписи, выпускающие пластинки, я стал ходить по студиям, предлагать свои песни, а сочинял я (и до сих пор сочиняю) итальянские, неаполитанские песни, стараясь не обращать внимания на американизацию эстрады. Кому-то они нравились, кому-то даже очень нравились, но записывать их никто не хотел. И вот двенадцать лет назад с замечательным поэтом-песенником Вито Паллавичини мы написали песню «Африка», которая потом получила и другое название — «Индейское лето». Сделали пробную запись. У Паллавичини были хорошие отношения с французскими фирмами, и он отвез песню в Париж, где на студии случайно встретил импресарио Джо Дассена. Песня понравилась ему. С этого начались наши дружба и сотрудничество, которые продолжались до последних дней его жизни.

— Что оказывает влияние на ваше творчество? — спрашиваю я.

— Вы знаете, я не утратил еще надежду получше, поглубже узнать классическую музыку. Я люблю Верди, Пуччини, Шопена... Но ведь я самоучка и, к сожалению, плохо знаю классику, а это никуда не годится, согласитесь, потому что лучшего учителя быть не может. Всегда преклонялся перед выдающимися музыкантами века Полом Маккартни и Джоном Ленноном. Люблю поэзию Пабло Неруды. Мне помогает сама природа, ее звуки, запахи, цвета.

— Почему у вас большинство песен о любви?

— Потому что любовь — самое прекрасное, самое глубокое и самое человечное из наших чувств. Я верю, что если будет любовь, то и все остальное в мире будет. И сам мир будет. И потом ведь сочиняешь не разумом, а сердцем, сердце же мое давно уже принадлежит жене Карле. Она удивительный человек, она чувствует и понимает меня так, как я сам себя не понимаю. Я люблю детей, но у нас с Карлой детей нет, к сожалению, а усыновить малыша в Италии практически невозможно. Положа руку на сердце я, не задумываясь, отдал бы всю свою популярность композитора и певца в обмен на то, чтобы были живы мои мама и папа и чтобы у нас с Карлой был сын... Недавно один журналист спросил меня: как бы я жил, если бы можно было начать жизнь сначала? Я ответил ему, что сочинял бы музыку, песни. Что был бы более внимательным и чутким к родителям. И снова бы женился на Карле, ведь все мои песни, по сути, посвящены ей.

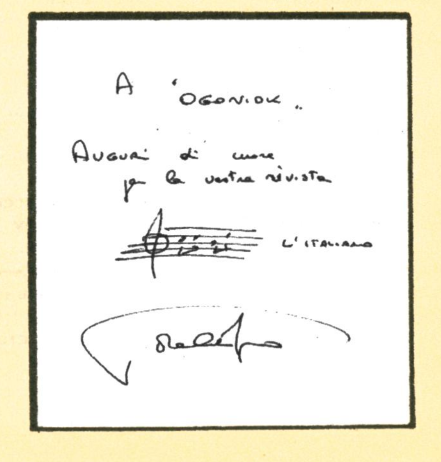
— Что, по-вашему, больше всего угрожает сегодня нашему миру?

— Противоположность любви — насилие во всех его проявлениях.

...Мне довелось встречаться с Тото Кутуньо в Москве несколько раз: в гостинице «Советская», где он жил, в Лужниках, где с колоссальным успехом проходили его выступления и где он дал концерт в Фонд мира, на улице — всюду и со всеми Кутуньо держался просто, без всякой позы, с большим уважением к тем, кто на него смотрит и кто его слушает, с большим уважением и интересом к нашей стране, к нашим людям. В последнюю нашу встречу я попросил его оставить автограф читателям «Огонька». Он пожелал «всего самого светлого и доброго» и нарисовал ноты с первой фразой своей знаменитой песни «Итальянец».

Сергей МАРКОВ,
фото Э. Жигайлова

Редактор киногруппы Лоуэлл во время съемки испытаний взрывчатки «кемит» похитил два заряда и скрылся. Тайком пробравшись в номер режиссера Карсона, он уничтожил его заграничный паспорт. Потом выкрал из кабинета конгрессмена Медуика важные документы и написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо, угрожая убить Уильямса, Медуика, Карсона, маклера Меллона, красавицу Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

Лоуэлл предлагает Медуику выкупить похищенные документы, изобличающие конгрессмена во взяточничестве. Возвращаясь домой с документами, Медуик погиб в автомобильной катастрофе, устроенной Лоуэллом. Затем Лоуэлл убил тщательно охраняемого режиссера Карсона и ушел от преследования, несмотря на то, что все аэропорты контролировались агентами ФБР.

Олимпийцы — секретная группа крайне правых в высших правительственных сферах — тоже обеспокоены. Лоуэлл называет себя именами членов этой группы, привлекая к ней внимание общественности. Они поручили своему агенту Ричардсону убрать Лоуэлла, но тот попал в руки Уильямса и рассказал о совместной службе с Лоуэллом в особом подразделении во время войны во Вьетнаме. Знакомясь с протоколами комиссии конгресса по военным делам, Уильямс по фамилии брата Лоуэлла наконец-то устанавливает личность самого убийцы.

А в это время Лоуэлл готовит покушение на маклера Меллона, охраняемого на яхте морскими пехотинцами, разведкой и агентами ФБР. Уильямс своевременно догадался, что переданный на борт яхты бинокль — бомба. Это и спасло Меллона от гибели.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

2

В Торонто была сильная метель, и самолет Уильямса кружил, казалось, несколько часов, прежде чем нырнуть в серый вихрь. На высоте пятьсот футов развиднелось для посадки с лыжным шасси на обледенелую полосу.

Уильямс взял напрокат «пежо» и спросил дорогу у девушки за конторкой. Она дала ему карту, обвела карандашом оба названных адреса и предупредила:

— Улицы здесь убирают быстро, но в течение ближайшего часа ехать будет трудно. Если вы незнакомы с нашими дорогами, лучше подождать.

— Рискну,— сказал Уильямс и через несколько минут пожалел об этом. Снег все еще валил, и колеса с хрустом вязли в белой массе; в довершение всего от дыхания запотели окна, и стеклоочистители натужно скрипели по ветровому стеклу.

Задержка самолета уже выбила его из расписания, а в ситуации, где на счету каждая минута, это могло оказаться роковым. Здесь, в Торонто, должен быть какой-то ключ. Уар *должен* будет назвать настоящие фамилии на документах, изготовленных для Лоуэлла. А Майк Горджо и его друзья *должны* знать о человеке, который сотрудничал с ними несколько лет, больше, чем открыли.

То, что Уильямс узнал в Балтиморе и Нью-Йорке, значительно приблизило его к разрешению самой главной загадки: мотивов Лоуэлла. Интуиция подсказывала, что он на верном пути.

Уильямс звонил из Нью-Йорка Майку Горджо, и тот обещал приютить его на ночь; у него как раз выехал один временный жилец. Но сперва Уильямс хотел повидать Уара.

Когда он остановился у ателье «Бон суар», снегопад стал утихать. Войдя, он подождал, пока полная женщина в синем халате не обратит на него внимания, и представился.

— А,— сказала женщина.— Мы ждем вас. Я Мари Уар.

Она повесила на дверь табличку «Закрыто» и повела Уильямса в заднюю комнату.

У гладильных станков стоял громадный негр. Женщина повела Уильямса вверх по лестнице в спальню, где бледный, осунувшийся Робер сидел на кровати.

— Вот что, Робер,— сказала миссис Уар,— хватит дурить. Скажи этому человеку, какие документы ты изготовил для Джеффа.

— Мари считает,— сказал Робер,— что я не должен покрывать его, раз он убивает людей. Я даже слег. Но считаю, что она права.

Он подал Уильямсу листок со стола возле кровати.

— Прошу прощения, утром я пролил на него чай.

Уильямс прочел фамилию и адрес:

Джим Адамс
Сиэтл, штат Вашингтон
Оук-стрит, 135

— У него паспорт,— сказал Робер,— кредитная карточка компании «Галф ойл», которой он не будет пользоваться, и членский билет сиэтлского яхт-клуба.

— Откуда мне знать, что вы не лжете, спасая своего приятеля?— спросил Уильямс.

— Он не лжет,— гневно сказала миссис Уар. Уильямсу было ясно, почему Робер передумал.— Я сама знаю. В то утро, когда он уходил, я сказала: «Оревуар, Джефф». А он улыбнулся и сказал: «Мари, теперь меня зовут Джим».

Уильямс поверил ей. Попросив разрешения, он позвонил в Вашингтон и сообщил Коннорсу полученные сведения.

— Действуй дальше!— сказал Коннорс и обещал тут же передать их на телеграф.

3

Метель прекратилась внезапно, и, когда Уильямс вышел из «Бон суар», улицы уже были очищены. Осторожно ведя машину, Уильямс ехал по предвечернему Торонто на северную окраину. К пяти часам, когда он был у дома, где жил Майк Горджо, уже стемнело; Уильямса ждали к полудню.

Он нажал кнопку звонка, дверь открыл молодой человек с взъерошенными белокурыми волосами. Уильямс представился и сказал, что ему нужно видеть Майка.

— Входите, но сейчас его нет.

Уильямс вытер ноги о половик и увидел еще троих молодых людей, они сидели и читали.

— Я Френк Пауэрс,— сказал белокурый.— Майк решил, что из-за метели вы не смогли вылететь, и ушел полчаса назад. Но комнату для вас на всякий случай оставил.

— Это хорошо,— сказал Уильямс. Он чувствовал, что трое парней относятся к нему с опаской. Он был представителем закона. Они — дезертирами.

Один из них быстро принес чашку дымящегося черного кофе. Уильямс сел на скрипучую кушетку с продавленными подушками.

— Никто из вас не встречался с Алленом Лоуэллом?— спросил он.

Высокий темноволосый парень, сидевший у дальней стены, вспылил:

— С тем типом, что убивает людей? Вы что, хотите обвинить нас в соучастии?

— Никто из нас с ним не встречался,— сказал Пауэрс.— Я сам расспрашивал по всему Торонто. И узнал, что он приезжал к Уару в прошлом году.

— Значит, ты его видел?

— Нет. Он тайком приезжает, тайком уезжает.

— Но откуда ты знаешь?— спросил Уильямс.— Он мог не назвать своей настоящей фамилии.

— Мы не скрываем своих фамилий,— гневно сказал Пауэрс.— И гордимся тем, что сделали, что бы ни говорили о нас в Америке.

— Аллен Лоуэлл примерно шести футов ростом,— сказал Уильямс,— стройный, коротко стриженый. Видели когда-нибудь здесь такого? Чисто американский тип.

— Дело вот в чем,— сказал Пауэрс,— большинство этих ребят недавно из армии, поэтому коротко стриженых много, смотря в каких частях они служили... Да, а теперь слушайте. Был тут один такой с год назад, спрашивал Майка. Вел себя как-то странно... будто нервничал или что. Не мог спокойно сидеть. Я сказал ему, что Майк будет к обеду и что можно поспать в комнате наверху. Но когда Майк вернулся, этого парня уже не было. Он так и не виделся с Майком.

На Уильямса это впечатления не произвело.

— У него могла быть сотня причин, чтобы уйти.

— Да, но, когда я повел его наверх, казалось, что он хотел остаться. Рухнул на койку, вид у него был совсем измотанный. Я даже решил, что он болен.

Уильямс ощутил, как у него напряглись мышцы живота. Лоуэлл внезапно ушел из «Интернейшнл телевижн»... Некто похожий на него внезапно ушел из этого дома... Правда, дезертиры все время приходили и уходили. Уильямс допил кофе.

— Где эта комната? — спросил он.

Пауэрс проводил его наверх в небольшую комнату, там стояла низкая койка с провисшей сеткой.

— Комната Майка рядом,— сказал он.— Мы называем ее президентским номером. Ванная в конце коридора. Располагайтесь как дома. Мы всегда гостеприимно встречаем шпиков ФБР.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—49.

— Я из министерства юстиции,— сказал Уильямс.
— Для нас все вы шпики,— ответил Пауэрс и ушел.
Уильямс пошел в ванную, умылся и по пути назад заглянул в комнату Майка. Ему сразу бросилось в глаза, что Майк — футбольный болельщик. На всех стенах висели снимки с матчей НФЛ[1]. Что ж, это у них с Лоуэллом общая черта, подумал Уильямс. У него был номер ежегодника «Стойбенвилл Хай», он прочел там, что в юные годы Лоуэлл был вратарем этой команды и брал «мертвые» мячи.
В коридоре не было никого, и Уильямс зашел в комнату. В дополнение к снимкам НФЛ на комоде стояла фотография четвертьзащитника, отбивающего мяч. Спортсмены на ней были в школьном или студенческом возрасте. Видимо, Горджо, как и Лоуэлл, участвовал в футбольных матчах. Уильямс долго разглядывал эту фотографию.
Он направился в угол комнаты к письменному столу, и тут совершенно неожиданно раздался звонок.

Парни взбежали наверх и ворвались в комнату.
— Что тут такое, черт возьми?— спросил Пауэрс. Но Уильямс, присев у стены, разглядывал глазок электрической сигнализации. Звонок не умолкал.
— Видимо, Горджо нужна секретность,— сказал Уильямс стоящим в дверях.— Кто знает, как отключить сигнализацию?
— Мы даже не знали, что у него есть сигнализация! Я ни разу не слышал этого звонка.
Уильямс обнаружил провод, идущий вдоль плинтуса за стол к выключателю, судя по всему, установленному недавно. На полу еще валялись крошки краски и штукатурки. Он повернул выключатель, и звонок прекратился.
Для чего эта сигнализация у стола? Уильямс сказал парням:
— Все в порядке, тревога окончена.
Но они не уходили.
— Послушайте, мистер, если он установил сигнализацию, значит, там есть что-то, чего вам не следует видеть.
— Что же?— спросил Уильямс. На столе и в ящиках были только письма и счета, ничего изобличающего, не было даже списка краж Болтона, несмотря на договоренность.
Парни переглянулись.
— Что ему скрывать?— сказал Пауэрс.— Разве фамилии дезертиров на тот случай, если канадская полиция передумает и возьмется за нас.
— Все равно зачем ставить сигнализацию?— спросил другой.
Все спустились вниз, и тут появился Майк Горджо. Это был коренастый, кудрявый, обаятельный парень.
— Черт,— сказал он, потирая руки,— никак не привыкну к этому холоду...— Заметив Уильямса, он умолк.— Вы Джордж Уильямс, да?
— Да.
— Ну, будьте как дома. Эй, Ларри,— сказал он одному из парней,— поднимись ко мне, достань припрятанную бутылку шотландского. Она в чемодане под кроватью.
— Я не смогу пройти мимо сигнализации,— сказал Ларри.
Горджо рассмеялся.
— Тьфу ты, я и забыл. Слушай, глазок всего в футе от пола, перешагни.
И плюхнулся в кресло.
— Похоже, от нее будет больше неудобства, чем толку.
— Когда ты установил ее?— спросил Уильямс.— Ребята не знали о ней.
— Ну,— сказал Майк,— узнав, что по соседству со мной вздумал ночевать представитель министерства юстиции, я приобрел комплект сигнализации и вчера вечером установил сам. Видите ли, до того, как попасть в военные преступники, я был электриком.
Уильямс улыбнулся.
— Что ж, я привел ее в действие, так что ты был прав.
— Еще бы, черт побери, меня это не удивляет. Вы здесь по делу об убийстве, значит, должны осмотреть все. Пистолет под подушкой не нашли?
— По правде говоря,— с улыбкой сказал Уильямс,— меня больше интересовали футбольные фотографии.
— Еще бы, не сомневаюсь,— ответил Майк.— И все же, мистер Уильямс, открою вам один секрет. Эту штуку я ставил не для вас. Для себя! Меня уже трижды грабили в этом гнусном городе. Теперь я обзавелся сигнализацией, держу под подушкой пистолет, и если еще кто сунется к старине Майку, то будет продырявлен.
— Ты хранишь деньги в комнате?
— Ох уж эти служащие министерства юстиции,— усмехнулся Горджо.— Вы не знаете принцип грабежа? У тебя в руках человек — у тебя в руках деньги. Ты ведешь его к деньгам за нос. Проклятие, двое бандюг сцапали меня сонным и забрали все до цента... все, что я скопил за пять лет. Да еще сломали два ребра.— Он засмеялся.— Надо же. Расставил ловушку бандюгам, а в нее угодил бешеный пес из министерства юстиции. Ладно, черт возьми, я знаю одно. Эта штука установлена не зря!
Ларри спустился с бутылкой шотландского, и Майк налил всем.
— Когда собираетесь к Уару?— спросил он.
— Я уже видел его,— сказал Уильямс.— И узнал новую фамилию Болтона.
Майк почтительно взглянул на него.
— Молодчина вы, Уильямс. Вот уж не думал, что Робер расколется. Он рассказывал мне душещипательную историю, как Болтон спас его отпрыска.
Все допили, и Уильямс спросил Горджо, могут ли они поговорить наедине. Парни охотно оставили Майка с беспокойным гостем из министерства юстиции.
Уильямс подождал, пока они выйдут, и поставил свой стакан на кофейный столик.
— Когда Карл Ричардсон войдет в эту дверь, Майк?

4

Во взгляде Горджо ничего не отразилось.
— Какой Карл Ричардсон? Никакого Ричардсона я не знаю.
— Думаю, что знаешь, Майк. Думаю, что ты был с ним во Вьетнаме. Потому что мне известно кое-что, чего Аллен Лоуэлл не знал три года. Настоящее имя Майка Горджо — Джо Маркони.
Молчание, потом Горджо сказал:
— Видимо, сигнализация навела вас на мысль...
— Ты допустил небольшую оплошность, Майк, и притом дважды. У тебя на комоде стоит фотография футболиста. Она очень заинтересовала меня, потому что эту же самую фотографию я видел в твоем школьном ежегоднике.
— Что?
— Поэтому я знаю, кто ты на самом деле. И знаю, что олимпийцы внедрили тебя в группу дезертиров, чтобы ты мог тайно использовать их и вербовать новых. А приманкой для них был некто, уже работающий для СДО[2] в Штатах, потому что он ненавидит войну и все связанное с ней,— это не кто иной, как твой друг по школе и «зеленым беретам» Аллен Лоуэлл...
— Я не слышал ни о каком Аллене Лоуэлле!— сказал Горджо.
— Тебе нужен был человек, прошедший школу у олимпийцев. Он намного облегчил твою работу. Ты с ним списался под своим новым именем и заключил кой-какую сделку. Предметом сделки был его брат, так, Майк? Ты втянул его в эту историю? Дело в том, что мне не дает покоя одна деталь. Человек, донесший о Колдуэлле и Томми Шовайса, звонил из Торонто!
Горджо ничего не ответил, и Уильямс продолжал. Он сказал, что после смерти брата Лоуэлл попался на крючок. И выполнял любые задания для дезертиров, а на самом деле для олимпийцев.
— Но ты знал, что, если он приедет сюда поговорить с Майком Горджо, твоей заочной сделке конец. Поэтому ты писал ему от имени Горджо, держал его на расстоянии, а когда он приезжал, тебя не оказывалось в Торонто.
Ответом было лишь молчание и недоуменный взгляд.
— Итак, ты много лет заставлял Аллена Лоуэлла делать в Штатах всевозможную грязную работу *якобы* для дезертиров. Он устанавливал электронные микрофоны в кабинетах, крал досье, подслушивал телефонные разговоры и слал тебе обличающие сведения, девяносто девять процентов их ты передавал олимпийцам для шантажа и давления на либеральных политических деятелей и газетчиков, а один процент — дезертирам. Прекрасно, Майк. Поздравляю тебя.
Горджо поглядел на него как на помешанного.
— Уильямс, вы меня с кем-то спутали. Я вовсе не Джо Маркони. Этой фотографии не было в стойбенвиллском ежегоднике...— Он прикусил язык.
— Стойбенвилл? Откуда ты знаешь, что я имел в виду стойбенвиллский ежегодник?
— ГАД ТЫ, УИЛЬЯМС!
— Может быть,— спокойно ответил Уильямс,— но я не дурак, Майк. Ты до сих пор не знаешь, что Лоуэлл появился здесь год назад, потому что внезапно столкнулся с Карлом Ричардсоном. Считалось, что Ричардсон погиб во Вьетнаме, но столько лет спустя оказалось, что он жив и все еще следит за ним. Может, за ним все эти годы следили и олимпийцы? У Лоуэлла возникли подозрения, он приехал в Торонто, чтобы выяснить, кто ты такой, а тебя, естественно, не было. На этот раз он пошел прямо к тебе, в твою комнату. У тебя хватило ума скрыться, но ты забыл кое-что. Он увидел *ту фотографию*, Майк.
Глаза у Горджо блеснули, и Уильямс понял, что попал в точку. Если так, то единственно возможный ответ на загадку шестерых в списке был наконец ясен. Только бы он не ошибся в расчетах... и Ричардсон подтвердил бы это.
Майк придвинулся вплотную к Уильямсу и зашептал:
— Прощайся с жизнью, Уильямс. Пистолет не под подушкой.— Он вытащил оружие из-за пояса.— Ричардсон будет здесь с минуты на минуту. Сигнализация установлена для него. Я предоставлю ему играть роль хозяина. Может, допьем то, что осталось?
— Прекрасное предложение,— сказал Уильямс,— но несвоевременное. Мне нужно идти.
Он открыл шкаф и надел пальто. Майк сперва опешил, потом шагнул к нему.
— Ты никуда не пойдешь!
Уильямс улыбнулся, открыл дверь и вышел. Он понимал, что Горджо не посмеет выстрелить, побоится полиции. Эту грязную работу должен был выполнить Карл Ричардсон, а не подсаженный к дезертирам олимпиец.
«Пежо» стоял примерно в ста футах. На полпути к нему Уильямс обернулся и увидел, что Горджо стоит в дверях, колеблясь, рискнуть или нет, а расстояние между ними все увеличивалось. Потом Горджо принял ошибочное решение. Он вскинул пистолет и нажал спуск. Выстрел гулко прогремел на тихой улице, но Уильямс резко пригнулся и забежал за стоящие машины. Отперев «пежо», он завел мотор. Горджо бежал по тротуару к нему. Колеса машины забуксовали в снегу, и Уильямс не мог тронуться с места. Горджо поднял на бегу пистолет, поскользнулся и растянулся во весь рост. Пистолет заскользил по асфальту. Когда Уильямс наконец тронулся, в него едва не врезался мчавшийся автомобиль. Гневно взглянув на водителя, он увидел, что это Карл Ричардсон.

Маркони подскочил и бросился к пистолету. Ричардсон с первого взгляда оценил положение — двери были открыты, люди глядели в окна,— прибавил газу и на первом перекрестке свернул. Уильямс, едва удержавшись на повороте, помчался следом. Он твердо решил, что на сей раз Ричардсон от него не уйдет.

5

Впереди мерцали хвостовые огни машины Ричардсона. Куда он едет? На юг, к Гамильтону? Нет. Машина съехала с главной магистрали, свернула налево, и они понеслись по обледенелой дороге на север, к горам.
Уильямс был безоружен, правда, Ричардсон не мог этого знать; и все же было самоубийством ехать за ним в безлюдные горы, где Ричардсону ничего не стоило остановиться и убить его с близкого расстояния. Но от того, сможет ли он как-то остановить Ричардсона,

[1] Национальная футбольная лига.

[2] Организация «Студенты за демократическое общество».

не боясь пули, и выведать, что ему известно, возможно, зависела жизнь трех человек.

Внезапно хвостовые огни исчезли. Уильямс миновал заснеженный поворот, но впереди их не было. Потом он понял, что Ричардсон выключил свет, ночью на темной дороге это было опасно, хотя за полчаса навстречу не проехало ни одной машины. Очевидно, Ричардсон замыслил какой-то трюк.

Они были уже в горах, дорога шла вверх над крутыми склонами. Тучи разошлись, и в свете луны Уильямс разглядел машину Ричардсона, темную тень, заполняющую дорогу.

Ричардсон делал именно то, чего опасался Уильямс. Он заманивал его повыше в горы, где мог устроить засаду и убить преследователя, когда тот подъедет.

И Уильямс пошел на хитрость. Он до отказа выжал акселератор, извилистая дорога шла по краю обрыва, это был большой риск, но он все приближался и приближался к Ричардсону, а потом изо всех сил нажал на клаксон и, посигналив пять минут, остановился у обочины.

Ричардсон услышал гудок и подумал: что за черт! Он сигналит мне. Но что это может значить? Нуждается в помощи? Помощь! Ричардсон был уверен только в одном: здесь, на открытом месте, он убьет Уильямса. И никакие хитрости, как в Центральном парке, его не спасут.

Но скорость он сбавил. Сигнал. Он должен что-то означать. Может, Уильямс предупреждает его? Может, у него в машине есть радио и он услышал, что дорога где-то впереди перекрыта?

Ричардсон подъехал к площадке, где стояли тракторы дорожных строителей, включил заднюю скорость, въехал между двумя тракторами, потом ухитрился сделать поворот и очень-очень медленно поехал вниз. «Люгер» лежал у него на коленях.

И тут осознал, что делает. Этот проклятый Уильямс опять схитрил. Поставил его в положение обороняющегося. Опасность ситуации внезапно стала ясна ему. Если Уильямс вылез из машины и поджидает его наверху, на обрыве, и если у него есть пистолет...

Сукин сын! Ричардсон в отчаянии огляделся и понял, что на такой узкой дороге невозможно развернуться снова, а потом увидел «пежо», стоящий поперек дороги меньше чем в тридцати футах. Он был в ловушке!

Гудок машины Уильямса не умолкал. И Ричардсон внезапно увидел, что за рулем в ней нет никого. Видимо, Уильямс сел на пол или чем-то закрепил клаксон. Но для чего ему сигналить?

Вот тут-то Уильямс недооценил опыт и мастерство бывшего «зеленого берета». Хотя Ричардсон не совсем понимал, что происходит, он знал — что-то происходит и этот сигнал предназначен сбить его с толку. Взяв из ящика для перчаток две гранаты, уложенные в ватный чехол, Ричардсон быстро выскочил в левую дверцу и бросил гранату в машину Уильямса.

Внутри «пежо» полыхнул слепящий взрыв, зазвенели стекла, и Ричардсон, ощутив внезапный удар, упал навзничь. Проклятый осколок металла от разорванной машины пролетел тридцать футов и угодил ему в грудь! Он лежал, сжимая вторую гранату и проклиная свою глупость, а Уильямс с шорохом спускался по откосу холма.

Он нагнулся над лежавшим и без труда обезоружил его.

— Возьму ее, пока вы снова не подорвались, Ричардсон.— И, перешагнув через него, открыл дверцу его машины.

Лежавший застонал, и Уильямс увидел в его взгляде страх. Агент ЦРУ негромко спросил:

— Вы хотите бросить меня здесь?

— Почему бы нет?— ответил Уильямс.— Вы бросили бы меня... разорванным на куски.

— Господи, Уильямс, я не хочу умирать.— Кровь заливала его рубашку, боль усиливалась. Надо было искать выход. Если Уильямс срочно не доставит его в больницу, он умрет.— Возьмите меня, Уильямс.

— Нет.

Ричардсон в панике схватил Уильямса за лодыжку.

— Возьмите... я скажу вам то, что вы хотите знать.

— Поторгуйтесь, Ричардсон, поторгуйтесь как следует.

— Уильямс,— слабым голосом произнес Ричардсон.— Я скажу... почему Лоуэлл хочет убить вас шестерых.

Служащий министерства юстиции поглядел на Ричардсона, «мясника» с безумными от страха глазами.

— Я уже знаю, что побудило его к этому. Лоуэлл год назад случайно столкнулся с вами на Рокфеллер-плаза, 30, и узнал вас... мистер Брокуэй.

Потрясение ясно отразилось на лице Ричардсона.

— Не такой уж ты...— Ричардсон закашлялся кровью,— хитрый... гад. Вчера ты не обманул никого из наших в «Интернейшнл телевижн».

Но прежде чем он успел договорить, Уильямс уже исчез.

Десять минут спустя, когда к искореженной машине подъехал грузовик, Карл Ричардсон был мертв.

6

Джордж Уильямс прилетел в Вашингтон и сразу же отправился к Коннорсу. Увидев его, Коннорс подскочил.

— Черт возьми, что там случилось? Канадцы требуют твоей шкуры.

— Ричардсон преследовал меня, и с ним произошел несчастный случай,— ответил Уильямс.— Я не убивал его.

Коннорс сел и улыбнулся.

— Погибают все, кроме тебя.

— Удача может вскоре изменить мне,— сказал Уильямс.— И ждать больше нельзя. Я должен срочно встретиться с Лоуэллом.

— Как же ты намерен это устроить?

Вместо ответа Уильямс стал что-то писать в блокноте. Коннорс вспылил.

— Что ты разузнал? Выкладывай.

Уильямс протянул ему блокнот, и Коннорс увидел, что записка адресована Лоуэллу. Она состояла из одной фразы: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав».

— Это и есть твоя новость?

— Опубликуй как обращение от моего имени,— сказал Уильямс.

— Какой фильм? Над которым он работал в прошлом году?

— Опубликуй и увидишь, что последует.

— Постой ты,— сердито сказал Коннорс.— Я ничего не понимаю. Что там, в этом фильме?

— Не знаю,— сказал Уильямс.— Я не видел его.

Но потом Уильямс пил кофе с Джоном Ньюхаузом, и Ньюхауз сразу заметил кое-что.

— Ты сам не свой, Джордж. Не забыл, что тебе нужно спокойствие?

— Все вышло из-под контроля,— сказал Уильямс.— В любом случае выиграть я не могу. Если он не поверит обращению, нам конец. Он убьет всех нас, когда ему вздумается. Мы ничем не сможем ему помешать.

— А если начнет охотиться за тобой?

— Я так и не узнаю ответа. Покойник ничего не может узнать. Спасти остальных я не могу, поэтому в любом случае я проиграл.

— Джордж, как твой друг...

— Я не спасаюсь бегством, Джон,— перебил Уильямс.— Я должен встретиться с Лоуэллом. Должен услышать от него, почему он решил убить шестерых незнакомцев вместо Маркони и Ричардсона.

— А твое послание Лоуэллу насчет телефильма?— спросил Ньюхауз.— Мне показалось, ты напал кое на что. Это словно некий код, говорящий, что ты знаешь его мотивы.

— Я имею право догадываться,— сказал Уильямс.— Если я ошибся, он не клюнет на это.

— А если прав, он убьет тебя.

7

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 20 XI-73 г.

«...Сегодня во всех газетах обращение Уильямса: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав».

Во время второй мировой войны Черчилль однажды сказал о Роммеле: «Перед нами хитрый, изворотливый враг и, невзирая на наши потери, должен сказать, замечательный генерал».

Точно так же я отношусь к Уильямсу: Он разгадал за несколько дней то, что я подготавливал целый год, шаг за шагом... и даже мои мотивы.

Но что за человек Уильямс? Что за человек, который станет выслеживать дезертиров, чтобы их убивали... а потом десять лет спустя скажет: «Я видел твой юбилейный телефильм, и ты прав»?

Он хитер, изворотлив и опасен, он один из них и должен погибнуть. Немедленно! Это обращение в печати явилось его смертным приговором.

...Сегодня я сделаю видеозаписи в «Кэпитэл филм рекординг»...

1. Похищение

Список оружия
Винтовка
Пистолет 38-го калибра, в наличии.

2. Смерть и корпус III.

«Кемит» (2) . . . . СДО
Детонаторы (2) . . . . . . СДО
Тридцать футов медленно горящего шнура . . . . СДО
Тридцать футов быстро горящего шнура . . . . СДО
Газ «адамсайт», сигнальная ракета, газовая маска из ЦРУ корпус III».

8

В четыре часа Уильямс снова был у Коннорса.

— Вот что, Харли,— сказал он,— убери охранников. Они весь день мозолят мне глаза.

— Черт возьми, Уильямс, нет. Что бы ты ни говорил. Ты мой лучший сотрудник.

Уильямс зашел за стол и взглянул на Коннорса сверху вниз.

— Ты что, не понимаешь? Теперь или никогда.

— Кто сказал, что сейчас он будет охотиться за тобой?

— Я рассчитываю на то обращение.

Коннорс вскинул руки.

— Обращение! При чем тут оно, черт возьми!

Уильямс поглядел на него, потом сказал:

— Если ты не уберешь этих людей, мое заявление об отставке лежит в...

Коннорс в гневе подскочил.

— Не дави на меня, Уильямс!

— Убери... иначе я перестреляю их. Я не шучу. Скажу, что принял за сообщников убийцы.

Коннорс рухнул в кресло. Наконец, приняв прежнюю позу, он сказал:

— Никто... никто... не действует мне так на нервы, как ты.— Он перевел дыхание.— У нас разные политические взгляды, Джордж. Но, черт возьми, я нахожусь здесь затем, чтобы работать для страны, а ты лучший работник во всем министерстве, и я опять должен забыть о своей гордости, опять унижаться и говорить: да, будь по-твоему, поступай как знаешь. Но если завтра ты истечешь кровью на пустынной дороге, я не пролью ни слезинки. Понял?

— Убери охранников, Харли,— сказал Уильямс. И вышел.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАРКА ТВЕНА

Марк Твен (Сэмюэл Ленгхорн Клеменс) по-прежнему остается одним из самых популярных писателей мира. Сегодня, когда все прогрессивное человечество празднует юбилей выдающегося американского писателя, мы предлагаем читателям малоизвестный рассказ Марка Твена.

Агент по продаже книг

Марк ТВЕН

Это был человек средних лет, обходительный, благодушный и, пожалуй, самый услужливый из всех зануд. Одного его вида было достаточно, чтоб его жертвы смирились с такими мелочами, как ледяной ветер, дымящие трубы или зубная боль. Но он был так безмятежно доволен собой, что не мог понять этого без посторонней помощи, и ходил годами от дома к дому, вредя без умысла, досаждая по неведению, как корь или коклюш. Грубый прием смущал эту невозмутимо вежливую разновидность чумы не больше, чем сборщика налогов.

Этот моллюск начал когда-то с торговли аптекарскими товарами. Потом он опускался все ниже и ниже — торговал печными заслонками, дверными крючками, жидким мылом и трафаретами. Его самодовольство и полное невежество в литературе явились, естественно, залогом блестящего будущего на поприще торговли книгами, и когда он решил, что трафареты — дело слишком трудное для его понимания, он спокойно и уверенно взялся за продажу книг.

Наш агент не был первоклассным знатоком писателей, и если заходил в суждениях дальше обложки, то бесславно увязал там по горло. Его разговор о книгах и авторах всегда отдавал легким душком лекарств и жидкого мыла. Я, бывало, испытывал приятную меланхолию, когда он подробно перечислял достоинства выдуманных мною книг — «Черного плута» Шекспира, «Словаря» Мюнхаузена, «Логарифмов» Диккенса, «Сказок для детей» Вольтера. Он мог пространно толковать о любых книгах, которые я предлагал наугад, и хвалил их с таким же удовольствием, как те, что продавал по подписке. Пожалуй, даже еще охотнее, ибо он испытывал особое вдохновение, когда рядом не было книг.

Агент часто заявлял, что Шекспиру придется подыскать себе подходящее агентство, когда он еще что-нибудь напишет: для такой солидной фирмы, как «Хэдли и Смакер», он вовсе не находка. Вольтер, пожалуй, сойдет для детей: он пишет просто и доходчиво, но взрослым нужно что-нибудь посолиднее, вроде «Нью-Йорк при газовом свете» или «Тысяча полезных мелочей».

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

С каждым годом агент все больше входил во вкус. Как-то раз я пытался сбить его с толку полным непротивлением и пассивностью. Зануда шесть часов упивался собственным красноречием, и мне пришлось подписаться еще на одну книгу, чтобы он, наконец, замолчал. Этот позорный провал фабианской политики решил мою судьбу. Я так и не научился перекрывать шлюзы его неутомимого словесного потока, и агент нашел у меня надежный рынок сбыта. Я был завален томами слабоумных и жалких иллюстрированных изданий. Мой скромный заработок таял от таких разорительных приобретений, как «Наполеон и его маршалы», «Черт Его Знает Кто и его маршалы», «Знаменитые преступники», «Правда о президентах», а кроме того — семейных библий, убогих пародий на всемирную историю и прочей иллюстрированной и абсурдной дряни.

Моя семья была на пороге нищеты. Я пытался скопить немного денег от продажи своих книг, но агент принудил меня подписаться на серию «Доклады бюро патентов», и я влез в долги.

Когда он пришел в следующий раз, я, измученный и несчастный подписчик, бросился на колени, умоляя отпустить меня с миром, сжалиться над моей голодающей семьей. Думаю, он был искренне тронут, ибо пролил две-три слезинки и, всхлипнув, утер нос рукавом пальто. Но профессиональное рвение победило человеческую слабость, и, открыв шлюз старым испытанным способом, он начал:

— Я предлагаю вам подписаться на самую интересную книгу, которую когда-либо видел свет.

Я не стал дожидаться, пока он заговорит меня снова. Я понял, что наступила решающая минута — один из нас должен немедленно умереть. И я раскроил ему череп от макушки до подбородка. Потом я возложил его труп на погребальный костер, для которого пожертвовал всю библиотеку. Как только языки пламени коснулись закоренелого фанатика, он положил к ногам сумку, книгу и зонт, а затем, раскрыв портфель, разыграл жуткую пантомиму, предлагая мне подписаться хоть на один экземпляр...

Я никогда не испытывал такого радостного облегчения, как в тот миг, когда мыловар заплатил мне за его бренные останки. И, разумеется, у соседей хватило здравого смысла не наводить справки о пропавшем агенте.

Перевод с английского Л. БИНДЕМАН.

в конце номера

Рубрику ведет А. КУРЕПОВ.

В СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ...

Туристы, посещающие Кингисепп, неизменно обращали внимание на старую ветряную мельницу, являющуюся одной из самых больших достопримечательностей центрального района. После реставрации здесь, в средневековой мельнице, было открыто не очень большое уютное кафе.

Сейчас многие старинные здания, находящиеся в городе и районах, после восстановления отдаются в распоряжение городских служб быта, приспосабливаются под кафе, столовые. Жители города активно помогали строителям в обновлении средневековой ратуши, торговых рядов. Сейчас они обрели свою вторую жизнь.

УТРОМ В ГОСТИНИЦЕ

Представьте себе удивление гостей Майкопа, остановившихся в гостинице «Адыгея», когда утром, едва-едва проснувшись, они всякий раз находили у себя в номере свежие центральные и республиканские газеты. Сотрудники гостиницы взяли на себя обязанность каждое утро знакомить проживающих здесь гостей города с прессой, аккуратно просовывая газеты через дверную щель.

КИТЫ... В ГРУЗИИ

Институт палеобиологии имени Давиташвили АН Грузинской ССР располагает неопровержимыми доказательствами того, что в древнейшие времена в Грузии обитали... киты — в море, которое располагалось на месте современного Кавказа.

Во многих районах Грузии найдены ископаемые останки китов и других древнейших морских животных. Они тщательно изучаются учеными Грузии и их коллегами из других городов Советского Союза.

По данным специалистов, киты встречались на месте сегодняшней Грузии более 14 миллионов лет назад. Таким образом, подтверждается известная гипотеза о том, что киты — одни из самых древних представителей животного мира на Земле.

ПОДМОСКОВНЫЙ ЖЕНЬШЕНЬ!

Сотни людей побывали на выставке «Дары садов», которая не так давно проходила в залах Биологического музея имени Тимирязева в Москве. Многие посетители побывали здесь не один раз, снова и снова возвращаясь в залы музея вместе со своими друзьями, знакомыми, членами своих семей.

Этот интерес закономерен. Подмосковные садоводы научились в полном смысле слова творить чудеса. Представьте себе клубнику размером с грушу, голубику, которую можно принять за вишню, кабачок, напоминающий по своему габариту пудовую дыню...

Но подмосковные садоводы умеют не только это. Получены первые образцы подмосковного женьшеня и золотого корня. При умелом уходе экспериментальные посадки дают хорошие результаты. А что мы знаем, например, о физалисе? Выращенный в Подмосковье физалис можно не только мариновать, солить, но и делать из него замечательное по своим вкусовым качествам варенье.

На выставке можно было получить любую консультацию по вопросам садоводства. А в книге отзывов посетителей появилось немало восторженных и благодарных строк...

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

А было так. На одной из репетиций артист «Союзгосцирка» Михаил Плиска сломал руку. Как порой бывает в подобных случаях, кости срослись плохо и неправильно. Нужна была срочная повторная операция, поэтому сотрудники консультации НИИ травматологии и ортопедии Минздрава Узбекской ССР в Ташкенте предложили Михаилу Плиске срочно лечь на операционный стол.

Артист не возражал. Но категорически отказался от наркоза. В ответ на удивленные вопросы врачей Плиска сказал, что на арене цирка он выступает с номером, где демонстрирует умение человека владеть своим телом. По его глубокому убеждению, способности человеческого организма столь высоки, что при «грамотном» обращении со своим телом человек может обезопасить себя от чего угодно, в том числе и от боли. Пользуясь «случаем», Плиска хотел доказать это еще раз...

Эксперимент превзошел все ожидания. Плиска несколько раз смеялся во время операции, говорил, что ему щекотно,— словом, вел себя так, будто бы ему вынимали занозу из пальца.

Поистине безграничны возможности человека...

Рисунки З. ДЕСЯТНИК

Любомир КЫНЧЕВ,
Народная Республика Болгария

АЛИБИ

— Итак, вы утверждаете, что в понедельник были на работе. Это точно?

— Еще бы! — уверенно заявил Стоянов, напряженно глядя в глаза начальнику.— Конечно, был.

— Тогда расскажите, чем вы занимались.

— В понедельник? Сейчас.— Он наморщил лоб.

— Гм, ну ладно, тогда вспомните, что вы делали во вторник.

Стоянов задумался так глубоко, что было неясно, когда он вынырнет обратно.

— Знаете, среда была такой напряженной,— наконец выдавил он.— Разве возможно все вспомнить?

— Не закончили случайно проект вокзала в Каспичане, который должны были сдать еще черт знает когда? — с надеждой спросил шеф.

— Вполне возможно.

— Возможно или точно?

— Надо уточнить.

— Ну, прошу вас, вспомните хоть что-нибудь, чем вы занимались в течение недели.

Стоянов молчал.

— Как же проверить, были вы на службе или нет? — размышлял начальник, и вдруг лицо его просветлело.— Скажите, а в нашу столовую вы ходили?

— Еще бы.

— И чем там кормили?

Стоянов четко представил стол с обедом, будто это было сейчас.

— Отлично помню,— оживился он.— В понедельник на первое подавали суп из томатов, на второе телятину с жареной картошкой. Во вторник — паприкаш. В среду...

— Все, достаточно, Стоянов! Теперь я верю: на службе вы действительно были!

— Подождите, я расскажу, чем кормили в четверг и в пятницу.

Но шеф дал понять подчиненному, что разговор исчерпан. Его алиби не вызывало сомнений...

Перевел с болгарского
Савелий ЦЫПИН.

МЫ И ОНИ

ШУТЛИВОЕ ЭССЕ

М. ФЕДОТОВА

Мать-Природа. Мы не просто плоть от плоти ее... На каждое понятие, на каждое движение души есть у нас точный образ от братьев наших меньших: мы «мудры, как змеи» и «глупы, как бараны»..., «немы, как рыбы» и «болтливы, как попугаи»..., «застенчивы, как газели» и «кичливы, как павлины»... и т. д. и т. п. Обратите внимание, все наши — ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ качества мы почему-то определяем их — ЗВЕРИНЫМИ... Не странно ль это?

А как мы живем?.. Мы «бьемся, как рыба об лед», «льем крокодиловы слезы», «делим шкуру неубитого медведя», а на душе у нас «скребут кошки». Мы «заливаемся соловьем» и «закусив удила» «порем дичь». А потом смотрим «как баран на новые ворота». Вот «стреляный воробей», что «носится как белка в колесе», а толку от этого — «кот наплакал». А вот «курица-наседка» с умишком «короче воробьиного носа», но муженька своего так «согнула в бараний рог», что тот «на задних лапках ходит». Перед дракой мы «петушимся», после драки «поджимаем хвост»...

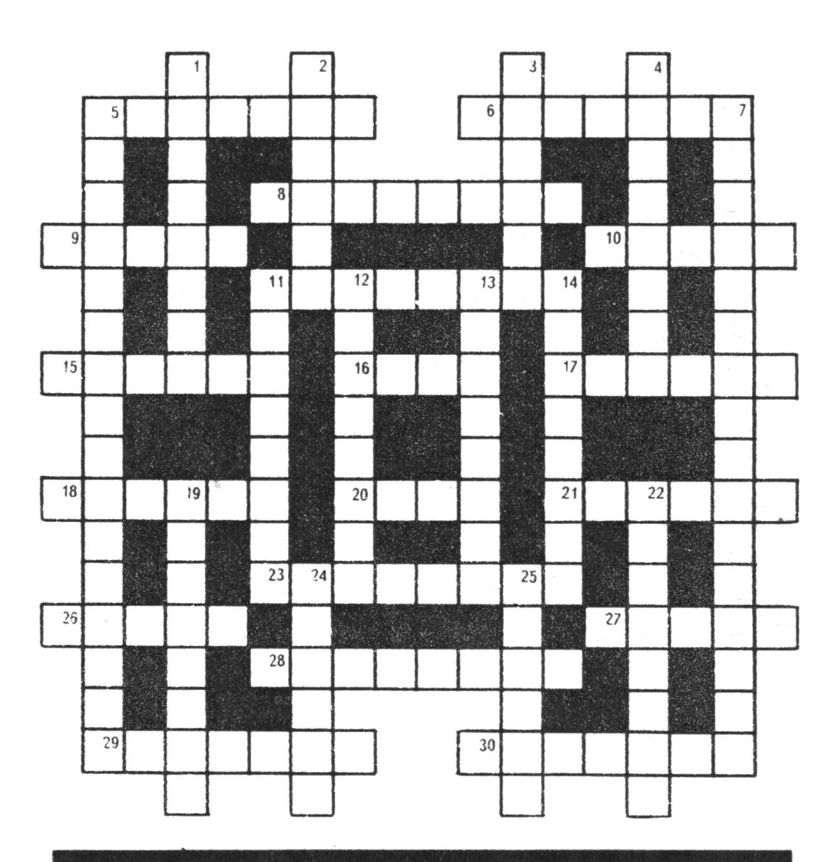
И что наполняет душу печалью, так вот эта наша человеческая несправедливость. За что страдают Змея, Акула, Осел... и другие. Ведь не за художественную образность! Это красиво, когда достойнейшие из нас «храбры, как львы», «трудолюбивы, как муравьи», «выносливы, как верблюды», «ждут ответа, как соловей лета»... Но абсолютно необразно, нехудожественно и несправедливо говорить про наших недостойных, что они «кровожадны, как волки», «трусливы, как зайцы», «плетут интриги, как пауки», ходят «грязные, как свиньи» и тем более... «пьют, как лошади». Ну, кто? где? когда видел пьяную лошадь?.. Да и свиньи, по утверждению свиноведов, принимают грязевые ванны исключительно из гигиенических соображений...

Волк кровожаден? Но ведь и мы не хлебом единым живы... Осел упрям? А мы, когда нас принуждают палкой?.. Заяц труслив? Но ведь у бедняги нет ружья!.. Может, это он смело убегает! Может, это его способ послать нас ко всем чертям! Что, впрочем, не всегда удается...

Мы вообще слишком мало о них знаем. Паукам, например, в их душевной чистоте и дела нет до каких-то там интриг.

Оказывается, что и баран не так уж глуп, и змея не так уж мудра. И невольно становится стыдно за эту уловку нашего сознания (эту «игру в кошки-мышки»), когда МЫ наделяем ИХ нашими пороками (делаем из них «козлов отпущения»). Ведь все ОНИ, от слона, что «наступил на ухо», до мурашек, что «бегают по спине», живут себе своей жизнью и ведать не ведают про эти свои деяния. И за наши муки самопознания никакой ответственности не несут.

Но в том-то и секрет, что чем больше мы будем видеть в них человеческого, тем меньше будет оставаться в нас звериного. И человек перестает петушиться, поджимать хвост, ходить на задних лапках, держать нос по ветру, а ушки на макушке... и наконец-то станет ЧЕЛОВЕКОМ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Озеро на Кольском полуострове. 6. Небольшая болотная птица. 8. Корабль с ядерной силовой установкой. 9. Ценная промысловая рыба. 10. Столица государства в Европе. 11. Насыпь на верху окопа. 15. Драгоценный камень. 16. Город в Калининской области. 17. Химический элемент, металл. 18. Французский писатель XIX века. 20. Роман И. С. Тургенева. 21. Легендарный крейсер. 23. Картина К. П. Брюллова. 26. Резиновый диск для игры в хоккей. 27. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 28. Река на Алтае. 29. Авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда. 30. Арифметическое действие.

По вертикали: 1. Маршал Советского Союза. 2. Углубление на вершине вулкана. 3. Река в Боливии и Бразилии. 4. Внутренний вид здания, помещения. 5. Создание крупного машинного производства в народном хозяйстве. 7. Процесс подготовки задач для решения на ЭВМ. 11. Русский химик-органик, академик. 12. Украинская писательница. 13. Итальянский композитор, скрипач XVII—XVIII веков. 14. Пушной зверь. 19. Певец, народный артист СССР. 22. Чертежная линейка. 24. Спортивный глиссер. 25. Морская медуза.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 4. Леонкавалло. 6. Дисна. 7. Тустеп. 10. Силуэт. 14. Грин. 15. Калькуляция. 16. Свод. 17. Нежданова. 18. Эклиптика. 20. Юкон. 21. Консультант. 23. Руль. 24. Персик. 25. Асбест. 26. Грамм. 28. Стереотруба.

По вертикали: 1. Анод. 2. Максимум. 3. Чара. 4. «Листок». 5. Офелия. 8. Умножение. 9. Полковник. 10. Сицилиана. 11. Экслибрис. 12. Хроника. 13. Голавль. 19. Элеватор. 21. «Космос». 22. Табора. 26. «Гора». 27. Мирт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владимир Чумаков — начальник буровой.
(См. в номере материал «Астраханский свод».)

Фото А. МАСЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Крым. Вот она, прославленная Ливадия * Пансионат «Дружба».
(См. в номере материал «Всесоюзная здравница».)

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.11.85. Подписано к печати 04.12.85. А 00432.
Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2968. Заказ № 1742.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

«Доброжелательная» мразь
За информацию взялась,
И вся энергия котла
Пошла на гнусные дела.
Мораль:
Не проходите мимо!
Поймать с поличным
анонима!

Дм. ДЁМИН

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663